

День девятый.

Въ которомъ подъ предсѣдательствомъ Эмилии каждый разсказываетъ о томъ, что ему нравится.

Заря, блескъ которой разогналъ ночныя тѣни, уже покрыла небо нѣжной лазурью; цвѣточки на дугахъ начали распускаться, когда поднялась Эмилиа. Она приказала созвать дамъ и молодыхъ людей. Когда они собрались, все общество отправилось въ лѣсокъ, находящійся неподалеку отъ замка. Здѣсь они увидѣли массу дичи, сернь, ланей и другихъ животныхъ, которыя, повидимому, перестали бояться охотниковъ съ тѣхъ поръ, какъ въ странѣ свирѣпствовала чума, и которыя, казалось, встрѣчали людей безъ всякаго страха, какъ будто стали ручными. Они прыгали вокругъ, подходя то къ одному, то къ другому и совершенно не боясь, что ихъ могутъ схватить. Юноши заставляли ихъ прыгать и бѣгать, что нѣкоторое время очень забавляло дамъ.

Но, какъ только солнце стало подниматься, всѣ выразили желаніе вернуться домой. И вотъ, съ вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ на головахъ и съ руками, полными ароматныхъ травъ и цвѣтовъ, они отправились въ путь.

Если бы ихъ кто-нибудь встрѣтилъ въ такомъ видѣ, то, навѣрное, подумалъ бы, что смерть не имѣетъ надъ ними никакой власти и если она ихъ и поразитъ, то въ свѣтломъ настроеніи. И вотъ, болтая и распѣвая, они вернулись медленными шагами въ замокъ, гдѣ нашли все въ порядкѣ и застали слугъ въ весельи и радости.

Отдохнувъ немного, они сѣли за столъ и весело пообедали. Затѣмъ, по обыкновенію, занялись пѣніемъ, танцами и музыкой. Когда, наконецъ, наступило время, предназначенное для бесѣды, королева, взглянувъ на Филомену, предложила ей начать первую новеллу. Филомена, улыбувшись, начала такъ:

Новелла I.

Синьора Франческо любима нѣкими Ринуччіо и Алессандро, но, не отвѣчая взаимностью ни одному изъ нихъ, она ловко отдѣлывается отъ обоихъ, заставивъ одного лечь въ гробницу, какъ покойника, а другого унести его; при этомъ ни тотъ, ни другой не могутъ довести дѣло до конца.

— Государыня! Мнѣ очень пріятно исполнить ваше желаніе и первой начатъ состязаніе на свободномъ поприщѣ, открытомъ вами для нашего честолюбія; если я удачно выполню эту задачу, то не сомнѣваюсь, что слѣдующія за мной справятся съ ней не менѣе хорошо и даже лучше меня.

Часто, милыя дамы, наши рассказы доказывали какъ велика сила любви, но все же я полагаю, что объ этомъ не все было сказано, и даже не могло бы быть высказано въ томъ случаѣ, еслибъ въ теченіе цѣлаго года мы не говорили бы ни о чемъ другомъ. Любовь не только ставитъ любовниковъ часто лицомъ къ смерти, но и заставляетъ ихъ иногда проникать въ жилища мертвыхъ и уносить оттуда мертвецовъ. Въ дополненіе къ уже разсказаннымъ новелламъ, мнѣ хочется разсказать вамъ еще одну, изъ которой вы не только поймете могущество любви, но и увидите, съ какимъ умомъ одна уважаемая дама избавилась отъ двухъ поклонниковъ, любившихъ ее противъ ея воли.

— Итакъ, въ городѣ Пистойѣ жила нѣкогда прекрасная вдова. Къ ней воспылали страстной любовью два нашихъ флорентинца, жившіе тамъ въ изгнаніи; одинъ по имени Ринуччіо Палермини, другой —

Алессандро Кьяромонтези. Оба любили эту даму, не замѣчая взаимнаго соперничества. Каждый изъ нихъ, стараясь дѣйствовать потихоньку, стремился снискать ея любовь.

Эта благородная дама, по имени Франческа де Лаццари, которой они постоянно докучали своими просьбами и посланіями, довольно неосторожно выслушивала ихъ неоднократно. Не будучи въ состояніи избавиться отъ ихъ преслѣдованій, она рѣшила освободиться отъ нихъ, потребовавъ отъ каждаго такой услуги, которую, ей казалось, ни тотъ, ни другой не въ состояніи будутъ выполнить; тогда у нея найдется законный предлогъ отвергнуть ихъ посланія, и ихъ самихъ болѣе не видѣть.

Въ тотъ же день, какъ ей пришла въ голову эта мысль, въ Пистойѣ умеръ одинъ субъектъ, считавшійся, несмотря на свое благородное происхожденіе, самымъ злымъ и сквернымъ человѣкомъ не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Помимо своего образа жизни, онъ былъ еще такъ безобразенъ и уродливъ, что при видѣ его въ первый разъ можно было испугаться уже одной только его вѣишности.

Похороненъ онъ былъ въ гробницѣ за церковью братьевъ Миноритовъ. Вдова нашла, что этотъ покойникъ можетъ послужить отличнымъ средствомъ для приведенія въ исполненіе плана, и поэтому сказала своей служанкѣ:

— Ты знаешь, какъ меня утомляютъ и надоѣдаютъ весь день своими посланіями эти два флорентинца, Ринуччіо и Алессандро. Я вовсе не хочу дарить имъ въ угоду свою любовь, а потому, чтобъ избавиться отъ нихъ, рѣшила воспользоваться ихъ постоянной готовностью къ услугамъ и испытать ихъ въ дѣлѣ, которое они навѣрное не выполнятъ; тогда я избавлюсь отъ ихъ навязчивости. А теперь слушай, какъ я это устрою: ты знаешь, что сегодня утромъ на кладбищѣ братьевъ Миноритовъ похороненъ знаменитый Сканнадіо (такъ звали этого сквернаго человѣка, о которомъ мы говорили раньше), на котораго самые храбрые люди этого города не могли смотрѣть безъ содроганій даже при его жизни.

— Такъ вотъ, ты пойдешь тайкомъ сначала къ Алессандро и скажешь ему: «Синьора Франческа посылаетъ къ тебѣ сказать, что настала, наконецъ, моментъ такъ давно тобой ожидаемый,—она согласна раздѣлить съ тобой любовь, если ты исполнишь слѣдующую ея просьбу: въ эту ночь одинъ изъ ея родственниковъ долженъ принести къ ней въ домъ—причину ты узнаешь послѣ—тѣло Сканнадіо, погребеннаго сегодня утромъ.

Но такъ какъ она боится этого покойника, то не хотѣла бы, чтобъ его приносили къ ней, и просить тебя оказать ей большую услугу и пойти сегодня вечеромъ въ часъ перваго сна на кладбище, войти въ гробницу, гдѣ похороненъ Сканнадіо, надѣть его одежды, лечь на его мѣсто и ждать, пока за тобой не придутъ и не отнесутъ тебя къ ней

въ домъ. Синьора Франческа ужъ будетъ ждть тебя и можешь оставаться у нея сколько угодно, предоставивъ ей позаботиться объ остальномъ».

— Если онъ согласится на это — прекрасно, если же нтъ, то скажи ему отъ меня, чтобъ не смълъ показываться, гдъ бы то ни было въ моемъ присутствіи и не отваживался больше никогда присылать ко мнѣ пословъ и посланія.

— Затѣмъ, ты пойдешь къ Ринуччіо Палермини и скажешь ему слѣдующее: «Синьора Франческа прислала тебѣ сказать, что она готова исполнить твое желаніе, если ты окажешь ей одну большую услугу, а именно: — пойдешь сегодня въ полночь къ гробницѣ, гдѣ похороненъ Сканнадіо и, не говоря ни слова, чтобы ты не слышалъ и не видѣлъ, тихонько вынешь его и принесешь къ ней. Тамъ она скажетъ тебѣ, для чего это понадобилось и удовлетворитъ твое желаніе. Если же ты не согласенъ сдѣлать то, что она проситъ, то тебѣ велѣно сказать, чтобъ ты не смълъ никогда больше обращаться къ ней съ посланіями и послами».

Служанка отправилась къ обимъ молодымъ людямъ и очень ловко передала каждому изъ нихъ то, что ей было приказано. Оба отвѣтили, что они готовы проникнуть не только въ гробницу, но и въ самый адъ, еслибъ только это угодно благородной дамѣ.

Узнавъ отъ служанки о такомъ отвѣтѣ, Франческа рѣшила подождать до вечера, чтобъ посмотрѣть будутъ-ли они, дѣйствительно, такъ безумны, что исполнять обѣщанное.

Наступила ночь. Въ часъ перваго сна, Алессандро Кьяромонтези надѣлъ простую куртку и вышелъ изъ дому по направленію кладбища. По пути его вдругъ охватилъ страхъ и въ голову стали лѣзть разныя ужасныя мысли и предположенія. «И какой я дуракъ!»! думалъ онъ, «куда я иду? А вдругъ окажется, что родственники этой дамы хотятъ убить меня въ этой гробницѣ, узнавъ быть можетъ случайно о моей любви къ Франческѣ и предполагая даже то, чего нтъ? Если это такъ, то я самъ способствую своей гибели, и никто никогда не узнаетъ объ этомъ убійствѣ, такъ какъ преступленіе останется безъ всякихъ уликъ. А затѣмъ, почему я знаю, что все это не придумано однимъ изъ моихъ враговъ, пользующагося можетъ быть взаимностью синьоры и желающаго угодить ей, устранивъ меня».

Но вкорѣ мысли его приняли другой оборотъ. «Предположимъ», разсуждалъ онъ, «что все это неправда, и родственники дѣйствительно отнесутъ меня подъ видомъ покойнаго Сканнадіо къ ней въ домъ; но вѣдь, нельзя думать, чтобъ они унесли его тѣло ради удовольствія держать его въ своихъ объятіяхъ или чтобъ передать его въ объятія Франчески; напротивъ, естественнѣе предположить, что они изрѣжутъ тѣло на куски въ отместку за какое-нибудь оскорбленіе, нанесенное имъ покойникомъ. Меня предупредили, чтобъ я не двигался, несмотря ни на

что. А если они вырвутъ мнѣ глаза или зубы, или поломають члены, что мнѣ тогда дѣлать? Какъ сумбю я тогда молчать? Если же я заговорю и они узнають меня, то мнѣ навѣрное не одобровать; или если они и не тронуть меня, то все же я этимъ ничего не достигну, такъ какъ у моей дамы меня не оставятъ, да и она будетъ говорить, что я не выполнилъ обѣщаннаго». Разсуждая такимъ образомъ онъ готовъ уже былъ вернуться къ себѣ, но пылкая любовь толкала его впередъ, предлагая ему съ такой ясностью противоположные доводы, что онъ вскорѣ очутился около гробницы. Отперевъ ее, онъ вошелъ во внутрь, раздѣлъ Сканнадіо и, надѣвъ на себя его одежды, легъ и закрылся крышкой. Занявъ такимъ образомъ мѣсто Сканнадіо, онъ вдругъ вспомнилъ все, что говорилось о покойникѣ, и вообще о всякихъ ужасахъ, случившихся въ ночное время и не въ однихъ только гробницахъ, но и въ другихъ мѣстахъ.

Отъ страха и ожиданія, что Сканнадіо вдругъ вскочитъ и бросится душиить его, у него поднялись волосы дыбомъ. Но благодаря своей пламенной любви онъ отогналъ отъ себя все эти мрачныя мысли и, продолжая лежать какъ мертвый, сталъ ожидать своей дальнѣйшей участи.

Около полуночи и Ринуччіо, въ свою очередь, вышелъ изъ дому, чтобъ исполнить переданную ему просьбу синьоры Франчески. По дорогѣ онъ сталъ раздумывать о томъ, что могло-бы приключиться съ нимъ изъ-за этого похождения; онъ могъ, напримѣръ, попасться съ тѣломъ Сканнадіо на плечахъ въ руки синьорини и быть присужденнымъ къ сожженію, какъ колдунъ; или же подвергнуться мести родныхъ Сканнадіо, еслибъ тѣ узнали объ этой исторіи. Мысли эти чуть было не остановили Ринуччіо, но послѣ нѣкотораго размышленія онъ все-таки рѣшился на это опасное дѣло.

— Развѣ могу я отказатьсь отъ первой услуги, которую потребовала отъ меня эта благородная дама, такъ безумно любимая мною; и отказатьсь теперь, когда есть надежда получить за это такое вознагражденіе, какъ ея любовь—я просто не въ силахъ! Даже еслибъ мнѣ предстояла вѣрная смерть,—я не смѣю отказатьсь отъ своего слова!

Размышляя такимъ образомъ, онъ подошелъ къ гробницѣ и тихонько отворилъ ее. Алессандро, услышавъ, что кто-то вошелъ, остался неподвиженъ, несмотря на сильный страхъ.

Войдя, Ринуччіо схватилъ Алессандро за ноги, выволокъ его вонъ, и думая, что это тѣло Сканнадіо, взвалилъ его себѣ на плечи и направился къ жилищу Франчески.

Ночь была такъ темна, что едва можно было различить дорогу, и подвигаясь въ темнотѣ Ринуччіо не разъ ударялся своей ношей объ углы домовъ, объ ветрѣчныя заборы и т. п.

Наконецъ, онъ дошелъ до жилища синьоры Франчески. Она уже стояла со своей служанкой у окна, дожидаясь появленія Ринуччіо съ

Алессандро и намѣреваясь при ихъ приближеніи прогнать ихъ обоихъ. Вдругъ стражи синьорин, притаившіеся въ этой улицѣ съ цѣлью захватить врасплохъ какого-то бандита, услышавъ шумъ шаговъ Ринуччіо, внезапно освѣтили дорогу, чтобъ видѣть, съ кѣмъ имѣють дѣло, и чтобъ знать, что имъ предпринять.

Послышался звонъ ихъ щитовъ и коньевъ и окликъ: «Кто идетъ?» Узнавъ ихъ Ринуччіо не долго думая сбросилъ съ себя Алессандро и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать. Быстро вскочилъ и Алессандро, облаченный въ длинную одежду покойника и поспѣшно скрылся въ другую сторону. Благодаря фонарямъ стражи, дама прекрасно разсмотрѣла Ринуччіо съ Алессандро на плечахъ: она видѣла также, что Алессандро былъ одѣтъ въ одежды покойника, и была странно удивлена при видѣ такой отваги обоихъ. Но несмотря на свое удивленіе, она очень смѣялась, видя Алессандро сброшеннымъ на землю, а затѣмъ удирающимъ отъ стражи. Довольная подобнымъ результатомъ и радуясь своему освобожденію отъ преслѣдованій обоихъ, она вошла въ свою комнату, признавъ со служанкой, что оба поклонника одинаково сильно и искренно любили ее, если могли рѣшиться исполнить то, о чемъ она ихъ просила.

Ринуччіо бранилъ и проклиналъ свою неудачу, но домой не вернулся, а обождавъ ухода стражи, возвратился къ тому мѣсту, гдѣ бросилъ Алессандро, и ошущью старался найти, чтобъ ужъ довести начатое дѣло до конца. Но такъ какъ онъ не могъ найти Алессандро, то рѣшилъ, что стража подобрала тѣло, и потому весьма недовольный этимъ происшествіемъ возвратился домой.

На другое утро, когда гробница Сканнадіо найдена была открытой и тѣло самого покойнаго нигдѣ не оказалось (такъ какъ оно было заброшено Алессандро въ глубокой ровъ)—вся Пистойя наполнилась толками о томъ, что его унесли черти.

Между тѣмъ, каждый изъ поклонниковъ далъ знать Франческѣ о случившемся съ нимъ происшествіи, и извиняясь за услугу, не доведенную до конца, просилъ ее благосклонности и любви. Но дама сдѣлала видъ, что не вѣритъ имъ и велѣла сухо отвѣтить, что никогда ничего не сдѣлаетъ для нихъ, такъ какъ они не исполнили того, о чемъ она ихъ просила.

Такъ избавилась синьора Франческа отъ надоедливыхъ поклонниковъ.

Новелла II.

✓ „Сальтеро“ аббатиссы.

Одна аббатисса послѣшно встаетъ ночью, чтобъ захватить врасплохъ молодую монахиню, о которой узнаетъ, что та принимаетъ по ночамъ своего возлюбленнаго. Сама аббатисса въ эту ночь проводитъ время съ однимъ патеромъ, и потому вторыхъ надѣваетъ на голову вмѣсто своего покрывала штаны своего любовника. Обвиненная монахиня обращаетъ на это ея вниманіе и благодаря этому обстоятельству получаетъ не только прощеніе, но и разрѣшеніе остаться со своимъ возлюбленнымъ.

Филомена окончила свой рассказъ. Всѣ признали необычайной ловкость дамы, сумѣвшей освободиться отъ тѣхъ, кого она не хотѣла любить; наоборотъ, смѣлую самонадѣянность обоихъ поклонниковъ назвала не любовью, а безразсудствомъ. Ласково обернувшись къ Элизѣ, королева сказала:

— Продолжай, Элиза!— и та сейчасъ-же начала такъ:

— Дорогая дамы! Какъ мы видѣли изъ предыдущаго разсказа, синьора Франческа очень ловко сумѣла освободиться отъ надѣдавшихъ ей поклонниковъ; но одна юная монахиня сумѣла воспользоваться случаемъ и ловкимъ замѣчаніемъ избавилась отъ грозившаго ей наказанія. Какъ вамъ извѣстно, встрѣчаются люди иногда очень глупые, которые, однако, дѣлаютъ другимъ выговоры и читаютъ наставленія. Какъ вы увидите изъ моей новеллы, подобныя лица часто караются самою судьбой. Тоже самое случилось и съ аббатиссой, подъ надзоромъ которой находилась та монахиня, о которой я вамъ сейчасъ расскажу.

— Вы знаете, конечно, что въ Ломбардіи есть монастырь, извѣстный своей святостью и благочестіемъ. Между прочими монахинями, тамъ находилась молодая дѣвушка, благороднаго происхожденія и одаренная рѣдкой красотой. Однажды Изабетта, такъ звали молодую мо-

нахию, подошла, для свиданія съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, къ рѣшеткѣ и, увидавъ подошедшаго съ нимъ красиваго юношу, невольно влюбилась въ него. Юноша, увидавъ ея красоту и блестящее въ ея глазахъ желаніе, также воспылалъ къ ней любовью.

Не имѣя возможности дать исходъ загорѣвшейся въ ихъ сердцахъ любви, они принуждены были долгое время молча страдать, пока, наконецъ, пылкій юноша не нашелъ способа тайкомъ видѣться со своей возлюбленной.

Молодая монахиня была страшно довольна этимъ обстоятельствомъ, и къ обоюдному ихъ удовольствію, посѣщенія юноши стали повторяться довольно часто. Такъ-бы и продолжалось, еслибъ въ одинъ прекрасный день, одна изъ монахинь не подкараулила юношу, когда онъ выходилъ отъ Изабеллы. Она тотчасъ-же рассказала объ этомъ нѣкоторымъ другимъ монахинямъ и ихъ первымъ побужденіемъ было—итти и донести о случившемся аббатиссѣ Узимбальдѣ, слышней среди монахинь и людей знающихъ ее—особой доброй и благочестивой.

Но затѣмъ, чтобъ устроить всякую возможность заперательства со стороны Изабеллы, онѣ рѣшили сказать обо всемъ аббатиссѣ въ то время, когда юная подруга опять будетъ находиться со своимъ возлюбленнымъ. Итакъ, строго соблюдая тайну до поры до времени, онѣ распредѣлили между собой дежурства и караулы, чтобъ накрыть влюбленныхъ на мѣстѣ преступленія. Изабелла, ничего не подозрѣвая, дала знать юношѣ, что ждетъ его ночью. Объ этомъ тотчасъ-же узнали караульные монахини и приготовились дѣйствовать. Когда прошла ужъ большая часть ночи, онѣ раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна осталась у дверей кельи Изабеллы, а другая побѣжала къ комнатѣ аббатиссы.

— Вставайте скорѣе, мать настоятельница,—сказали онѣ, постукавъ въ дверь,—мы узнали, что въ кельѣ у Изабеллы находится молодой человекъ!

Аббатисса находилась въ эту ночь въ обществѣ одного патера, котораго часто прятала въ сундукъ. Услыхавъ весь этотъ шумъ и боясь, какъ-бы монахини отъ излишняго рвенія не толкнули и не отворили нечаянно двери,—она быстро вскочила съ постели и впотьмахъ кое-какъ стала одѣваться. Думая, что беретъ покрывало, сложенное извѣстнымъ образомъ, называемое «сальтеро» и носимое монахинями на головѣ, она взяла штаны патера, и не замѣтивъ въ суетѣ своей ошибки, набросила ихъ на голову и вышла изъ своей комнаты, поспѣшно затворивъ за собой дверь.

— Гдѣ-же эта проклятая Богомъ?—спросила она. Монахини такъ страстно желали поскорѣе накрыть Изабеллу на мѣстѣ преступленія, что не замѣтивъ ничего особеннаго на головѣ аббатиссы, повели ее къ кельѣ виновной. Съ помощью монахинь, настоятельница удалось выломать двери и войти въ келью въ сопровожденіи остальныхъ. Онѣ застали обоихъ любовниковъ въ постели, тѣсно обнявшимися; внезапное

вторженіе до того ошеломило и испугало ихъ, что они остались неподвижными, не зная что предпринять. Изабетта тотчасъ-же была схвачена другими монахинями и, по приказанію аббатиссы, приведена въ капитулъ. Юноша-же, оправившись отъ волненія, одѣлся и сталъ ждать окончанія всего, чтобъ не дать въ обиду свою возлюбленную и увезти ее съ собой.

Усѣвшись въ капитулъ, аббатисса въ присутствіи всѣхъ монахинь, взоры которыхъ были устремлены все время на виновную, обратилась къ той съ ужаснѣйшею бранью, которую когда-либо приходилось выслушивать женщинѣ. Она говорила, что своимъ недостойнымъ, порочнымъ поведеніемъ Изабетта осквернила честь и добрую славу монастыря, и что теперь объ этомъ узнаютъ въ мірѣ. Не довольствуясь одними оскорбленіями, она еще присоединила къ нимъ ужаснѣйшія угрозы.

Пристыженная молодая монахиня, чувствуя себя виновной, не знала, что отвѣчать, и застѣнчиво молчала, впуская уже нѣкоторымъ жалость. Но такъ какъ аббатисса продолжала распространяться молодая дѣвушка подняла на нее глаза и увидавъ, что голова настоятельницы покрыта штанами, съ болтавшимися по обѣ стороны завязками, быстро сообразила, въ чемъ дѣло, и, ободрившись, сказала:

— Да поможетъ вамъ Богъ, мать моя; поправьте вашъ головной уборъ, а затѣмъ уже говорите мнѣ все, что вамъ угодно!

— Какой головной уборъ, преступная женщина? Ты имѣешь еще смѣлость шутить? Можетъ быть, ты думаешь, что при твоёмъ поступкѣ возможны еще шутки?

— Прощу васъ мать моя,—опять повторила молодая монахиня,— завяжите сначала ваше покрывало, а потомъ говорите мнѣ, что вамъ угодно!

Послѣ этихъ словъ почти всѣ монахини взглянули на голову аббатиссы, которая схватившись руками за покрывало, поняла о чемъ говорила Изаббета. Сознавая свою ошибку и видя, что она уже замѣчена всѣми монахинями, аббатисса поняла, что ей уже не вывернуться, и потому повела свою рѣчь совсѣмъ обратно тому, что говорила до сихъ поръ.

Она объяснила, что въ концѣ концовъ противостоять возбужденіямъ плоти невозможно, и потому каждая монахиня можетъ отдаваться сколько ей угодно, лишь бы не узнавали объ этомъ другіе монастыри, какъ это, впрочемъ, до сихъ поръ и было. Велѣвъ отпустить Изабетту, она вернулась къ своему патеру; молодая-же монахиня провела остатокъ ночи со своимъ возлюбленнымъ, котораго съ тѣхъ поръ часто призывала къ себѣ на зло завистницамъ. Остальныя, не имѣвъ любовниковъ, тайно искали благопріятныхъ случаевъ, гдѣ только могли.

Новелла III.

Одураченный Каландрино.

Лебруно, Булфамакко и Нелло уговаривают доктора Симоне сказать Каландрино, что онъ въ „интересномъ положеніи“; чтобъ вылечиться отъ этого, онъ даетъ вышеупомянутымъ лицамъ, якобы для составленія лекарства, каплуновъ и денегъ, а самъ выздоравливаетъ безъ всякихъ послѣдствій.

— Элиза кончила свой рассказъ, и послѣ того какъ слушатели воздали хвалу Богу за счастливое избавленіе молодой монахини отъ когтей ея завистливыхъ сестеръ, королева обратилась къ Филострато, предложивъ ему продолжать. Не дожидаясь дальнѣйшихъ напоминаній, онъ началъ такъ:

— Прекраснѣйшія дамы! Невѣжественный судья изъ Марки, о которомъ я говорилъ вамъ вчера, неволью заставляетъ меня перейти къ новелтѣ о Каландрино, рассказать которую я думалъ еще ранѣе. Несмотря на то, что о немъ и его пріятеляхъ ужъ много было говорено, я все-таки расскажу вамъ эту новеллу, такъ какъ все касающееся Каландрино можетъ только способствовать нашему веселью.

Кто такой Каландрино и другіе, о которыхъ я буду говорить въ этой новелтѣ, уже было достаточно выяснено ранѣе. Поэтому, не распространяясь въ подробностяхъ, скажу только, что Каландрино получилъ наслѣдство отъ скончавшейся тетки и такимъ образомъ сдѣлался собственникомъ двухсотъ лиръ, мелкими деньгами. Сейчас же у него возникла мысль купить себѣ имѣніе и всюду, гдѣ бы во Флоренціи не были подобныя продажи, онъ являлся на торги, какъ будто былъ въ состояніи истратить десять тысячъ флоринновъ золотомъ; но каждый разъ, какъ возникалъ вопросъ о цѣнѣ продаваемаго помѣстья, дѣло разстраивалось. Знавшіе объ этомъ Лебруно и Булфамакко не разъ говорили ему, чтобъ

онъ лучше потратилъ эти деньги на кутежъ съ ними, чѣмъ на покупку земли, будто онъ намѣренъ изъ нея лѣпить пули; но они даже не могли уговорить его хоть разъ угостить ихъ обѣдомъ.

Однажды, пока они говорили объ этомъ между собой, къ нимъ явился одинъ изъ ихъ друзей живописецъ Нелло. Тутъ ужъ втроемъ они порѣшили отыскать какое-нибудь средство, чтобъ попить на счетъ Каландрино. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ и сговорившись между собой, что имъ должно дѣлать, они подкараулили на слѣдующее утро моментъ выхода Каландрино изъ дома.

Не успѣлъ онъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ ему повстрѣчался Нелло со словами:

— Добрый день, Каландрино!

Каландрино отвѣтилъ, пожелавъ ему добраго дня и счастливаго года. Послѣ этого, Нелло приостановилъ его немного и сталъ пристально вematриваться въ его лицо.

— Что ты смотришь? — спросилъ Каландрино.

— Съ тобой ничего не случилось этой ночью? — сказалъ Нелло, — ты просто на себя не похожъ.

Каландрино уже началъ сомнѣваться въ себѣ.

— А что?! — удивился онъ, — что ты во мнѣ находишь?

— Да я собственно такъ себѣ это сказалъ, — отвѣтилъ Нелло, — просто мнѣ показалось, что ты совсѣмъ перемѣнился, весьма возможно, что ничего и нѣтъ.

И онъ пошелъ дальше.

Каландрино продолжалъ свой путь въ глубокомъ раздумьи, не чувствуя, однако, ни малѣйшаго недомоганія. Но вотъ, на встрѣчу ему попадается Булфамакко, замѣтившій, что Нелло кончилъ свой разговоръ и отошелъ отъ Каландрино. Обмѣнявшись съ Каландрино привѣтствіемъ, Булфамакко спросилъ его, не чувствуетъ ли онъ себя плохо.

— Не знаю, — отвѣтилъ Каландрино, — Нелло тоже мнѣ говорилъ только то, что я не похожъ на себя; можетъ быть, что я дѣйствительно боленъ!

— По всей вѣроятности ты боленъ, такъ какъ на тебѣ лица нѣтъ, — отвѣтилъ Булфамакко.

Каландрино уже казалось, что у него лихорадка. Но вотъ подошелъ и Лебруно и тотчасъ же воскликнулъ:

— Каландрино, что это у тебя за лицо? Точно у мертвеца! Что съ тобой?

Слыша такія слова, и самъ Каландрино повѣрилъ, что онъ боленъ и съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Мнѣ кажется, — отвѣтилъ Лебруно, — что лучше всего было бы тебѣ возвратиться домой, лечь въ постель и хорошенько укрыться, затѣмъ пошли свою мочу для изслѣдованія къ доктору Симоне, который,

какъ тебѣ извѣстно, нашъ лучший другъ. Онъ тотчасъ же дастъ тебѣ совѣтъ, что дѣлать, а мы посидимъ у тебя, чтобъ помочь въ случаѣ, если понадобятся наши услуги.

Въ это время ихъ догналъ Нелло, съ которымъ все и вернулись въ домъ Каландрино. Совсѣмъ больной и подавленный обратился Каландрино къ своей женѣ:

— Приди и накрой меня хорошенько, — сказалъ онъ, — я чувствую себя очень плохо.

Какъ только онъ улегся въ постель, онъ послалъ служанку со своей мочей къ доктору Симоне, державшаго тогда аптеку въ Меркато-Веккьо, подъ вывѣской «Дыни».

— Вы здѣсь останьтесь съ нимъ,—сказалъ Лебруно своимъ друзьямъ,—а я хочу повидаться съ докторомъ, и если окажется нужнымъ, то приведу его сюда.

— Да, дорогой другъ,—замѣтилъ Каландрино,—ступай и постарайся узнать въ чемъ дѣло, ибо я, дѣйствительно, чувствую что-то неладное внутри.

Лебруно отправился къ доктору и приди раньше служанки, несшей мочу, успѣлъ увѣдомить Симоне обо всемъ случившемся. Затѣмъ пришла и служанка, и докторъ, изслѣдовавъ мочу, сказалъ ей:

— Поди и скажи Каландрино, чтобъ онъ завернулся потеплѣе; я приду немедленно и скажу, что съ нимъ и что слѣдуетъ дѣлать.

Молодая дѣвушка въ точности передала слова доктора. А вскорѣ послѣ этого вошли и Лебруно съ докторомъ. Симоне, усьвишись около больного и пощупавъ его пульсъ, сказала нѣкоторое время спустя, въ присутствіи жены Каландрино:

— Видишь ли, Каландрино, говоря тебѣ откровенно, по дружески, ты ничѣмъ не боленъ, но ты въ «интересномъ положеніи».

Какъ только Каландрино услышалъ объ этомъ, какъ сталъ страдальчески стонать и говорить:

— О, Тесса, что ты со мной сдѣлала своимъ постояннымъ желаніемъ быть надо мной! Вѣдь, я тебѣ говорил!

Жена его, очень скромная и порядочная женщина, услыхавъ слова мужа, покраснѣла отъ стыда и, опустивъ голову, вышла изъ комнаты, ничего не сказавъ.

Каландрино же продолжалъ свои жалобы.

— О, Боже,—говорилъ онъ,—значить у меня будетъ ребенокъ! Откуда пройдетъ онъ? Я вижу, что я погибъ отъ чрезмѣрной страсти моей жены! Да пошлетъ ей Богъ настолькоъ печали, насколько я желаю бы быть веселымъ! О, еслибъ я былъ здоровъ, я бы всталъ и такъ поколотилъ бы ее, что на ней не осталось бы живого мѣста. Впрочемъ, это урокъ для меня, я не долженъ былъ позволять главенствовать надо мной; но ужъ клянусь, что если избавлюсь на этотъ разъ, то ни за что не позволю ей хоть бы ей пришлось умереть отъ упрямства.

Лебруно, Булфамакко и Нелло задыхались отъ смѣха, но умѣли во время сдержаться, что же касается доктора Симоне, то онъ такъ ужасно хохоталъ, что у него можно было повыдергать всѣ зубы. Подъ конецъ, Каландрино, отдаваясь во власть доктора, просилъ его дать совѣтъ и помощь.

— Каландрино,—сказалъ Симоне,—я вовсе не желаю, чтобъ ты страдалъ, такъ какъ, къ счастью, мы во-время спохватились и довольно рано замѣтили это обстоятельство, чтобъ излечить тебя безъ особыхъ хлопотъ въ нѣсколько дней; но для этого тебѣ придется немного потратиться.

— О, дорогой докторъ,—отвѣтилъ Каландрино,—конечно! Тамъ

вонь у меня лежать двѣсти лиръ, на которыя я хотѣлъ купить себѣ имѣніе; если онѣ все вамъ нужны, то берите, только бы мнѣ не быть въ такомъ положеніи и не разрѣшаться отъ бремени, такъ какъ я совсѣмъ не знаю, какъ это дѣлается. Я слышалъ только, что женщины поднимаютъ страшный крикъ при родахъ, несмотря на то, что у нихъ это дѣлается легче, тогда какъ, еслибъ это перенести пришлось мнѣ, я думаю, я умеръ бы раньше, чѣмъ разрѣшился отъ бремени.

— Ну, не думай больше объ этомъ,—сказалъ докторъ,—я приготовлю тебѣ одно дистиллированное лекарство, очень полезное и замѣчательно приятное на вкусъ, которое уничтожить все въ теченіе трехъ дней и послѣ котораго ты будешь чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ; но впредь будь благоразуменъ и не попадай въ такую глупую исторію. Ну-съ, а для пятя этого, намъ нужны три пары хорошихъ, жирныхъ каплуновъ, кромѣ того, дай каждому изъ твоихъ, здѣсь присутствующихъ друзей, по пять лиръ мелкой монетой, чтобъ они могли купить все необходимое и принести ко мнѣ въ аптеку; что же касается меня, то даю тебѣ честное слово, что завтра же утромъ пришлю этотъ дистиллированный напитокъ. Ты долженъ пить его по цѣлому стакану каждый разъ.

— Я вполне довѣряюсь вамъ докторъ,—сказалъ Каландрино, выслушавъ Симоне. Выдавъ затѣмъ Лебруно пять лиръ и денегъ на три пары каплуновъ, онъ попросилъ его взять на себя эти хлопоты.

Докторъ, придя отъ него, велѣлъ приготовить простую чистую воду и послать ее Каландрино. Купивъ каплуновъ и все необходимое для кутежа, Лебруно устроилъ ширъ въ компаніи со своими друзьями и съ докторомъ. Что касается Каландрино, что онъ шилъ въ теченіе трехъ дней чистую воду, послѣ чего явился докторъ съ тремя пріятелими и, пощупавъ пульсъ больного, сказалъ ему:

— Каландрино ты, безъ всякаго сомнѣнія, излечился и можешь больше не оставаться въ постели и заняться своими дѣлами.

Довольный Каландрино съ радостью всталъ и пошелъ по своимъ дѣламъ, всюду рассказывая и расхваливая доктора Симоне, сумѣвшаго вылечить его въ три дня отъ беременности, безъ малѣйшаго страданія. Лебруно, Булфамакко и Нелло были въ восторгѣ, что имъ удалось выманить деньги у жаднаго Каландрино. Но жена его, Тесса, поняла, что надъ нимъ пошутили и серьезно поссорилась изъ-за этого съ мужемъ.

Новелла IV.

Лакей-игрокъ.

Чекко Фортарриго проигрываетъ Чекко Анджульери все, что имѣеть и вдобавокъ еще деньги своего господина затѣмъ бѣжить за нимъ въ одной рубашкѣ, крича, что онъ его ограбилъ; добивается, наконецъ, того, что крестьяне схватываютъ Анджульери и отдаютъ его вещи и одежду Фортарриго, который садится на коня своего господина и, оставляя его самого въ одной рубашкѣ, уѣзжаетъ.

Все общество громко смѣялось словамъ Каландрино, сказаннымъ своей женѣ. Когда же Филострато кончилъ свой рассказъ, то по указанію королевы Нейфиле начала слѣдующую новеллу.

— Почтенныя дамы!—сказала она.—Еслибъ проявлять свой разумъ и добродѣтели было легче, чѣмъ обнаруживать свою глупость и пороки, то нашлось бы много людей, которые не сумѣли бы обуздать своихъ рѣчей. Вы, конечно, могли ясно видѣть это изъ только-что разсказанной повеллы, гдѣ глупость Каландрино заставляетъ его не только лечиться отъ воображаемой болѣзни, но и разсказывать людямъ о тайныхъ наслажденіяхъ своей жены. Это неволью напомнило мнѣ одно событіе, какъ разъ противоположное только-что разсказанному; здѣсь злонамѣренность одного одержала верхъ надъ разумомъ другого, во вредъ и къ великому стыду послѣдняго. Мнѣ хочется разсказать объ этомъ.

— Совсѣмъ еще недавно, нѣсколько лѣтъ всего тому назадъ, въ Сіэніѣ жили два человѣка среднихъ лѣтъ. Обоихъ звали Чекко, но одинъ изъ нихъ былъ сынъ синьора Анджульери, а другой синьора Фортарриго. Несмотря на рѣзкое различіе ихъ характеровъ, они до того сходились въ одномъ чувствѣ, и именно въ ненависти къ своимъ отцамъ, что сдѣлались даже друзьями и часто видались. Красивый и изящный

Анджюльери рѣшилъ, однажды, что ему невозможно жить прилично въ Сіенѣ на деньги, выдаваемые отцомъ, и узнавъ о прибытіи въ Анкону папскимъ легатомъ одного кардинала, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, захотѣлъ повидать его, надѣясь на улучшеніе своего положенія. Разказавъ объ этомъ намѣреніи своему отцу, онъ уговорилъ его выдать ему заразъ деньги за шесть мѣсяцевъ впередъ, чтобъ онъ могъ купить себѣ одежду, лошадей и вообще отправиться въ путь въ приличномъ видѣ. Такъ какъ онъ искалъ себѣ слугу, желая взять его въ дорогу, то Фортарриго воспользовался этимъ и, явившись на слѣдующее утро къ Анджюльери, сдѣлалъ все возможное, чтобъ уговорить взять его съ собой, увѣряя въ готовности быть и его слугой, и роднымъ, и всемъ, чѣмъ онъ хочетъ, и все это безо всякаго жалованья. Сначала Анджюльери отказался взять его съ собой; не потому, чтобъ сомнѣвался въ способностяхъ своего друга быть слугой, но потому, что тотъ былъ игрокомъ и пьяницей. Но Фортарриго общалъ воздержаться отъ этихъ недостатковъ и такъ клялся и просилъ его взять, что Анджюльери пришлось, наконецъ, уступить и согласиться.

Выѣхавъ въ одно прекрасное утро въ путь, они остановились къ завтраку въ Буонконвенто. Была страшная жара. Позавтракавъ, Анджюльери велѣлъ приготовить себѣ въ гостиницѣ постель и раздѣвшись съ помощью Фортарриго легъ спать, сказавъ, чтобъ его разбудили въ девятомъ часу. Пока Анджюльери спалъ, Фортарриго спустился въ таверну и, вышивъ здѣсь чуточку, началъ играть съ какими то проѣзжими, которые въ короткій срокъ выиграли его деньги и одежду, бывшую на немъ; онъ же, желая отыграться, побѣждалъ, какъ былъ, въ одной рубашкѣ въ комнату, гдѣ спалъ Анджюльери и при видѣ его крѣпкаго сна, взялъ всѣ деньги изъ его кошелька и, вернувшись къ игрокамъ, проигралъ и ихъ.

Проснувшись, Анджюльери всталъ, одѣлся и велѣлъ позвать Фортарриго. Но такъ какъ его нигдѣ не могли найти, то Анджюльери, предположивъ, что онъ спитъ гдѣ-нибудь пьяный подъ заборомъ, велѣлъ осѣдлатъ коня и, привязавъ чемоданъ, рѣшилъ ѣхать одинъ, думая взять новаго слугу въ Корсиньяно. Но желая, передъ отъѣздомъ, заплатитъ хозяину гостиницы, и не найдя своихъ денегъ, Анджюльери поднялъ страшный скандалъ, говоря, что его здѣсь обокрали, и что онъ это дѣло такъ не оставитъ, а добьется, чтобъ хозяина арестовали и отправили въ Сіенскую тюрьму. Въ это время является Фортарриго въ рубашкѣ, намѣреваясь украсть одежду своего господина такъ же, какъ укралъ раньше деньги. Увидавъ Анджюльери, готоваго сѣсть на коня, онъ спросилъ:

— Что это значить, Анджюльери? Развѣ мы уже уѣзжаемъ? Ну, подожди немного. Сейчасъ долженъ притти сюда одинъ человѣкъ, которому я отдалъ свою куртку въ залогъ за тридцать восемь сольдовъ. Я увѣренъ, что онъ отдастъ ее за тридцать пять, если только мы заплатимъ деньги сейчасъ.

Пока онъ это говорилъ, кто-то подошелъ къ Анджульери и объяснилъ ему, что деньги украдены Фортарриго. такъ какъ онъ проигралъ такую-то сумму.

Страшно разсердившись, Анджульери сталъ ругать Фортарриго, и еслибъ онъ не боялся чего-то другого больше Бога, то вору пришлось бы плохо. Грозя ему висѣлицей и изгнаніемъ изъ Сіэны, онъ съѣлъ, наконецъ, на коня.

Фортарриго, какъ бы не обращая вниманія на слова Анджульери, точно это относилось не къ нему, а къ другому, повторялъ:

— Ну, Анджульери оставимъ эти слова, не стоящія выѣденнаго яйца; подумаемъ-ка лучше о курткѣ, мы можемъ выкупить ее за тридцать пять сольдовъ сейчасъ, а если будемъ ждать до-завтра, онъ не отдастъ дешевле, чѣмъ за тридцать восемь, сколько онъ мнѣ и одолжилъ; онъ сдѣлаетъ мнѣ эту уступку, такъ какъ я ставилъ по его указанію. Ну, и отчего бы намъ не выгадать этихъ трехъ сольдовъ?

Анджульери готовъ былъ придти въ отчаяніе отъ этой настойчивости, тѣмъ болѣе, что уже замѣчалъ недоувѣрчивые взгляды, окружавшихъ его, видно вѣрившихъ скорѣе, что Анджульери присвоилъ себѣ деньги Фортарриго, чѣмъ наоборотъ.

— На что мнѣ твоя куртка! — вскричалъ онъ. — Тебя и повѣсить мало! Ты не только взялъ мои деньги и проигралъ ихъ, но еще, задерживая мой отъѣздъ, издѣваешься надо мной!

Фортарриго, оставаясь такимъ же спокойнымъ, будто всѣ эти слова относились не къ нему, сказалъ:

— Ну, почему ты не хочешь дать мнѣ выгадать эти три солда? Не думаешь же ты, что я не одолжу ихъ тебѣ опять? Ужъ сдѣлай это для меня! Зачѣмъ такъ спѣшить?! Мы еще къ вечеру успѣемъ доѣхать до Торренъери! Ну, вынимай свой кошелекъ! Ты подумай только, что можно искать во всей Сіэнѣ и не найти куртки, лучше сидящей на мнѣ, чѣмъ эта, и правду сказать, вѣдь это я ему далъ ее за тридцать восемь сольдовъ, тогда какъ ея настоящая цѣна сорокъ, если не больше! Ты мнѣ принесешь, такимъ образомъ, двойной вредъ.

Анджульери, страшно раздосадованный воровствомъ и манерой говорить этого мошенника, не отвѣчая болѣе ни слова, повернулъ своего коня и поѣхалъ по дорогѣ въ Торренъери. Но Фортарриго, охваченный внезапно злобой, побѣждалъ за нимъ въ рубашкѣ, продолжая кричать, чтобъ тотъ возвратилъ ему куртку. Такая скачка продолжалась около двухъ миль и Анджульери уже прибавилъ ходу, чтобъ усесть отъ этихъ криковъ, какъ вдругъ, Фортарриго увидалъ на дорогѣ передъ Анджульери крестьянъ, работавшихъ въ полѣ. Изъ всѣхъ силъ сталъ онъ кричать имъ:

— Держите, держите его!

Крестьяне, кто съ киркой, кто съ лопатой загородили путь Анджульери, остановили и схватили его, думая, что онъ ограбилъ чело-

вѣка, обѣжавшаго за нимъ въ одной рубашкѣ. Несмотря на все, что говорилъ Анджульери въ свое оправданіе, ему не хотѣли вѣрить. Но вотъ подоспѣлъ Фортарриго и заговорилъ съ видомъ величайшаго раздраженія.

— Не знаю, какъ это я еще не убью тебя, безчестный воръ, обѣжавшій со всѣми моими вещами.

И обернувшись къ крестьянамъ, онъ сказалъ:

— Посмотрите, господа, съ чѣмъ онъ меня оставилъ въ гостиницѣ, послѣ того, какъ проигралъ всѣ мои деньги! Могу смѣло сказать, что благодаря Богу и вамъ, я получилъ, по крайней мѣрѣ, часть моего добра, за что буду вѣчно вамъ благодаренъ.

Анджульери увѣрялъ въ противномъ, но ему никто не вѣрилъ. Фортарриго, съ помощью крестьянъ, заставилъ его слѣзть съ коня, снялъ всю его одежду, которую тутъ же надѣлъ на себя и, сѣвъ на коня, ускакалъ по дорогѣ въ Сіэну, оставивъ несчастнаго Анджульери въ одной рубашкѣ и босымъ. Самъ же онъ всюду рассказывалъ, что Анджульери проигралъ ему своего коня и свою одежду. Что касается Анджульери, то вмѣсто предполагавшагося имъ богатаго вѣзда къ кардиналу въ Анкону, ему пришлось вернуться бѣднымъ и въ одной рубашкѣ въ Буонконvento, откуда онъ постыдился сейчасъ же возвратиться въ Сіэну. Послѣ того, какъ ему одолжили кое какую одежду, онъ сѣлъ на клячу, которая везла Фортарриго и отправился въ Кореньяно къ своимъ родственникамъ, гдѣ онъ и оставался до тѣхъ поръ, пока ему не помогъ его отецъ. Такимъ образомъ, злая шутка Фортарриго помѣшала хорошимъ намѣреніямъ Анджульери: но во всякомъ случаѣ, злодѣй не остался безнаказаннымъ.

Новелла V.

Глупый любовникъ, оставшійся въ дуракахъ.

Каландрино влюбляется въ одну молодую дѣвушку; Лебруно приготовляетъ ему талисманъ въ видѣ письменъ, которымъ стоитъ только коснуться дѣвушки, чтобъ она тотчасъ же пошла слѣдомъ за нимъ. Каландрино добивается свиданія, но его накрываетъ жена и подымаетъ страшный скандалъ.

Неифиле кончила свою небольшую новеллу, и когда общество немого посмѣялось и поговорило о ней, королева предложила продолжать Фіаметтѣ.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтила та радостно.

— Благородныя дамы!—начала она.— Вамъ извѣстно, я думаю, что чѣмъ больше говорятъ о чемъ-нибудь, тѣмъ, иногда, предметъ этотъ становится интереснѣе, если только рассказчикъ умѣетъ выбрать подходящее мѣсто и время для повѣствованія. А такъ какъ цѣль нашего пребыванія здѣсь—проводить весело время, то я и предполагаю, что здѣсь все умѣстно, что только можетъ вызвать наше удовольствіе и веселье. Поэтому, несмотря на то, что Каландрино и его приключенія служили уже неоднократно темой для нашихъ новеллъ, я осмѣлюсь рассказать вамъ, кромѣ уже извѣстныхъ, еще одну новеллу о немъ же, такъ какъ опять-таки, какъ и Филострато, подтверждаю, что всѣ его похождения интересны и могутъ только лишній разъ позабавить насъ. Еслибъ я хотѣла или умѣла уклоняться отъ истины, то могла бы видоизмѣнить эту новеллу и рассказать ее подъ вымышленными именами; но это отклоненіе отъ правды только уменьшитъ удовольствіе слушателей и поэтому буду рассказывать такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

— Въ нашемъ городѣ жилъ одинъ очень богатый человекъ, по имени Никколо Корнаккини. Онъ имѣлъ множество помѣстій, среди которыхъ, однимъ изъ самыхъ красивыхъ считалось помѣстье въ Камерать.

Здѣсь онъ построилъ очень красивый и изящный домъ и, рѣшивъ его расписать красками, пригласилъ для этого Лебруно и Булфамакко, а тѣ, въ свою очередь, въ виду такого громаднаго труда, условились, чтобъ имъ помогали Нелло и Каландрино. И работа закипѣла.

Несмотря на то, что уже многія комнаты въ этомъ домѣ были обставлены мебелью и постелями,—въ немъ еще никто не жилъ, кромѣ одной старой служанки, которой поручень былъ надзоръ за домомъ; изрѣдка еще являлся сюда одинъ изъ сыновей вышеупомянутаго Никколо,—Филиппо, человекъ молодой и не женатый, который имѣлъ обыкновеніе, иногда, приводить съ собою какую-нибудь женщину и держать ее дня два для своего удовольствія, а затѣмъ отпускатъ.

Однажды, привелъ онъ одну, по имени Никколоза, которая была содержанкой какого-то темнаго господина въ Камальдони, называвшагося Манджіоне и уступавшаго ее напрокатъ. Она была красива, прекрасно одѣвалась и, для женщины своей профессіи, обладала хорошими манерами.

Выйдя, однажды, въ полдень къ колодцу, въ бѣлой юбкѣ, съ закрученными вокругъ головы волосами, съ намѣреніемъ помыть себѣ лицо и руки, она встрѣтила на дворѣ Каландрино, случайно явившагося въ это время къ колодцу за водой. Увидавъ Никколозу, Каландрино дружески поклонился ей. Куртизанка отвѣтила ему и стала смотрѣть на него, не потому, чтобъ она чего-нибудь желала, а просто потому, что онъ показался ей наивнымъ простякомъ. Въ свою очередь, и Каландрино сталъ разсматривать ее и, убѣдясь, что она красива, нашелъ какой-то предлогъ, чтобъ остаться съ ней, вмѣсто того, чтобъ отнести воду товарищамъ. Но, такъ какъ онъ ее совсѣмъ не зналъ, то и не осмѣливался заговорить съ нею. Замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, она, чтобъ посмѣяться надъ нимъ, отвѣчала ему взглядами, сопровождаемыми нѣсколькими вздохами. Это такъ подѣйствовало на Каландрино, что онъ не замедилъ влюбиться въ нее, и оставался во дворѣ до тѣхъ поръ, пока Филиппо не позвалъ ее къ себѣ въ комнату.

Вернувшись къ своей работѣ, Каландрино не переставалъ вздыхать, такъ что Лебруно, любившій подразнить его, замѣтилъ, наконецъ, это и спросилъ:

— Что это съ тобой, другъ Каландрино? Ты пыхтишь, не переставая!

— Пріятель,—сказалъ Каландрино,—еслибъ только нашелся кто-нибудь, кто бы помогъ мнѣ, то все обстояло бы благополучно.

— Какимъ образомъ,—спросилъ Лебруно,—и въ чемъ тебѣ помочь?

— Ты только никому не говори объ этомъ: здѣсь есть дѣвушка прекраснѣ феи, которая такъ влюблена въ меня, что тебѣ бы это показалось чѣмъ-то особеннымъ. Я замѣтилъ это сейчасъ, когда ходилъ за водой.

— Ну, смотри!—заявилъ Лебруно,—берегись, чтобъ она не оказалась женою Филиппо.

— Да, пожалуй, что это она,—сказалъ Каландрино,—потому, что онъ позвалъ ее и она вошла къ нему въ комнату; но что мнѣ до этого? Я кого угодно обману въ подобныхъ дѣлахъ, а не только что Филиппо. Скажу ужъ тебѣ правду, другъ, она мнѣ такъ нравится, что и сказать не могу!

— Постараюсь узнать для тебя, кто она такая,—замѣтилъ Лебруно,—и если она окажется женою Филиппо, то я устрою твое дѣло въ двухъ словахъ, такъ какъ мы съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ. Но какъ бы это скрыть отъ Булфамакко? Онъ всегда около меня, когда я хочу поговорить съ ней.

— О Булфамакко,—отвѣтилъ Каландрино,—ужъ позабочусь я самъ, но вотъ кого намъ надо беречься, такъ это Нелло; вѣдь, онъ приходится родственникомъ Тессы и можетъ намъ все испортить!

— Правильно,—подтвердилъ Лебруно.

На самомъ дѣлѣ Лебруно прекрасно зналъ, кто была эта куртизанка, тѣмъ болѣе, что онъ не только видѣлъ, какъ она пріѣхала, но и зналъ о ней отъ самого Филиппо. Поэтому, воспользовавшись отсутствіемъ Каландрино, оставившаго на время свою работу, чтобъ побѣждать взглянуть на Никколозу, Лебруно разсказалъ все Нелло и Булфамакко и всѣ втроемъ составили планъ какъ дѣйствовать въ этой любовной исторіи Каландрино. Какъ только онъ возвратился, Лебруно спросилъ его тихонько:

— Видалъ ли ты ее?

— О, да,—отвѣтилъ Каландрино,—и я совѣмъ погибъ.

— Я пойду посмотрѣть она ли это,—сказалъ Лебруно,—если она, то предоставь дальнѣйшее мнѣ.

И Лебруно направился во дворъ, гдѣ встрѣтилъ Филиппо и его даму: онъ разсказалъ имъ, кто такой Каландрино, и что онъ ему сказалъ: затѣмъ условился съ ними, что имъ дѣлать, чтобъ любовь Каландрино въ достаточной мѣрѣ повеселила ихъ. Возвратившись послѣ этого къ Каландрино, онъ шепнулъ ему:

— Это она и есть; поэтому надо дѣйствовать съ большою осторожностью; вѣдь, если Филиппо узнаетъ что-нибудь, то вся вода Арно не облѣтитъ насъ. Но, однако, что ты хотѣлъ бы передать ей черезъ меня, если мнѣ удастся съ ней поговорить?

— Ну, прежде всего скажи ей,—заявилъ Каландрино,—что я желаю тысячу мѣръ того добра, отъ котораго рождаются люди — и затѣмъ, что я готовъ къ ея услугамъ, если ей чего-нибудь хочется; понялъ ли ты меня?

— Да, — отвѣтилъ Лебруно, — предоставь мнѣ дѣйствовать.

Когда настало время ужина, всѣ оставили работу и вышли во дворъ, гдѣ уже были Филиппо съ Никколозой. Чтобъ доставить удовольствіе Каландрино, они нарочно оставались здѣсь подольше, и дѣйствительно влюбленный воспользовался этимъ и пристально сталъ смотрѣть на Никколозу, дѣлая ей такіе выразительные «глазки», что даже слѣпой могъ-бы замѣтить.

Съ своей стороны и куртизанка дѣлала все возможное, чтобъ разжечь его страсть, зная отъ Лебруно какъ можно подѣйствовать на сердце Каландрино. Филиппо, Булфамакко и остальные, дѣлая видъ, что очень заняты разговоромъ, какъ-бы не замѣчали этого маневра. Но къ величайшему огорченію Каландрино, черезъ нѣкоторое время они ушли.

— Знаешь, сказала Лебруно, обращаясь къ Каландрино, когда они шли по дорогѣ во Флоренцію, — знаешь, вѣдь она таетъ въ твоёмъ присутствіи, какъ ледъ на солнцѣ; даю слово, что она выбросилась-бы изъ окна, прямо къ твоимъ ногамъ, еслибъ ты только вздумалъ въ слѣдующій разъ захватить съ собой гитару и пропѣть ей нѣсколько пѣсенъ любви.

— Въ самомъ дѣлѣ, другъ, мой, — спросилъ Каландрино, — не принесли-ли гитару?

— Ну, конечно, — отвѣтилъ Лебруно.

— Вотъ видишь, — обратился къ нему Каландрино, — а ты еще сегодня утромъ не вѣрилъ мнѣ.

Я думаю, теперь ты согласишься со мной, что я умѣю настойчиво идти къ цѣли, не такъ какъ другіе. Кто другой сумѣлъ-бы такъ скоро

влюбить въ себя такую красавицу? Всѣ эти юнцы, столько воображающіе о себѣ, бродящіе весь день взадъ и впередъ, на самомъ дѣлѣ не смогли-бы въ теченіе десяти лѣтъ собрать три горсти такихъ орѣшковъ.

— Мнѣ хочется, чтобъ ты видѣлъ меня съ гитарой; вотъ будетъ штука. Знай, что я вовсе не такъ старъ, какъ тебѣ кажусь; она-то ужъ замѣтила это, и замѣтитъ еще иначе, когда я зацѣплю ее абордажнымъ крюкомъ. Честное слово, я такъ устрою, что она побѣжитъ за мной, какъ сумасшедшая за своимъ ребенкомъ.

— О, она-то будетъ твоей!—воскликнулъ Лебруно;—мнѣ такъ и кажется, будто ты виваешься своими губами, похожими на колки гитары, въ ея аленькія губки и щечки, подобныя розамъ и, наконецъ, съѣдаешь ея цѣликомъ.

Каландрино такъ ясно представлялъ себѣ свои будущія дѣйствія, что сталъ подлизывать и поддѣвывать и отъ восторга чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

На другой день онъ явился съ гитарой и къ большому удовольствію всего общества, процѣлъ множество пѣсенъ. Въ концѣ концовъ, желаніе видѣть куртизанку сдѣлалось настолько сильнымъ, что онъ совсѣмъ забросилъ работу и только и дѣлалъ, что бѣгалъ то къ окну, то къ двери, то во дворъ, чтобъ лишній разъ взглянуть на нее.

Со своей стороны Никколоза, благодаря наставленіямъ Лебруно, дѣйствовала очень ловко, давая глупому поклоннику возможность часто ее видѣть. Лебруно также принималъ дѣятельное участіе въ этой интригѣ, передавая его письма и даже иногда отвѣчая на нихъ отъ имени Никколозы.

Когда же ея не было въ домѣ, что случалось довольно часто, Лебруно приносилъ отъ ея имени письма, въ которыхъ она рассказывала Каландрино, что находится теперь у родныхъ, гдѣ ему неудобно будетъ съ ней видѣться, но при этомъ утѣшала его обѣщаніями на будущее. Такимъ образомъ, руководившіе этимъ дѣломъ Лебруно и Булфамакко восторгались поступками Каландрино, иногда потѣшаясь еще надъ нимъ тѣмъ, что передавали ему, якобы просьбу дамы, желавшей имѣть то гребешокъ изъ слоновой кости, то кошелекъ, то маленькій ножичекъ и тому подобныя бездѣлушки, и принимая эти приношенія, они, въ свою очередь, передавали ему, будто отъ имени Никколозы, поддѣльные брилліанты, приводившіе Каландрино въ восторгъ. Кромѣ того, они пользовались за свои услуги хорошими угощеніями и нѣкоторыми другими выгодами.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ такого положенія дѣла. Каландрино, замѣчая что работа близится къ концу, понималъ, что надо скорѣе довести свою любовную интригу до конца, такъ какъ иначе можно было упустить удобный случай и никогда больше не найти другого подобнаго; поэтому онъ сталъ торопить и приставать къ Лебруно. Сговорившись съ

Никколозой и Филиппо насчетъ плана дѣйствій, Лебруно сказалъ Каландрино:

— Видишь-ли, мой другъ, эта дама тысячу разъ общала мнѣ исполнить то, что ты желаешь, но на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаетъ, такъ что мнѣ начинаетъ казаться, что она водить тебя за носъ, и если ты хочешь, мы можемъ заставить ее, помимо ея желанію, сдержать свое слово и поступить какъ тебѣ хочется.

— Ну, конечно,—воскликнулъ Каландрино,—ради Бога, устрой это поскорѣе!

— А у тебя хватить смѣлости,—спросилъ Лебруно,—коснуться ее талисманомъ, который я тебѣ дамъ?

— О, да!—отвѣчалъ Каландрино.

— Въ такомъ случаѣ,—обратился къ нему Лебруно,—принеси мнѣ небольшой кусокъ чистаго пергамента, живую летучую мышъ и освещенную свѣчку; что надо ужъ я сдѣлаю!

Всю эту ночь Каландрино провозился съ ловушками и западнями, чтобъ поймать летучую мышъ: въ концѣ концовъ ему удалось поймать ее и онъ принесъ ее къ Лебруно вмѣстѣ съ остальными требуемыми вещами.

Уединившись въ одну изъ комнатъ, Лебруно написалъ на пергаментѣ каракулями какую-то чушь собственной выдумки и, возвращая бумагу Каландрино, сказалъ:

— Знай, Каландрино, что какъ только ты коснешься ее этими письменами, она тотчасъ-же послѣдуетъ за тобой и сдѣлаетъ все, что ты пожелаешь. Поэтому, если Филиппо уйдетъ сегодня куда-нибудь, то подойди къ ней за чѣмъ-нибудь и коснись этой рукописью; послѣ этого отправляйся въ ригу, которая находится рядомъ и представляетъ собою самое благоприятное мѣсто,—куда никто не заходитъ; увидишь, что она послѣдуетъ за тобой; а разъ она будетъ тамъ, ты самъ знаешь, что тебѣ дѣлать.—Чувствуя себя самымъ счастливымъ человѣкомъ во всемъ свѣтѣ, Каландрино взялъ пергаментъ и сказалъ:

— Другъ мой, предоставь мнѣ теперь дѣйствовать.

Нелло, которому Каландрино боялся довѣриться, тоже потѣшался надъ нимъ вмѣстѣ съ другими и сговорился съ ними осрамить его. Для этого, по распоряженію Лебруно, онъ отправился во Флоренцію за женой Каландрино и сказалъ ей:

— Тесса, ты помнишь, вѣдь, какъ Каландрино возвратился съ камнями изъ Муньоне и побилъ тебя безъ всякой причины; я предлагаю тебѣ отомстить ему, но если ты не хочешь, то я перестаю считать тебя родственницей и другомъ. Онъ тамъ влюбился до чертиковъ въ одну даму, которая настолько безстыдна, что часто запирается съ нимъ; они только-что назначили другъ другу свиданіе и мнѣ хочется, чтобъ ты отомстила ему и, захвативъ его на мѣстѣ преступленія, серьезно пробрала-бы его.

Не предполагая здѣсь никакой шутки, жена его вскочила и закричала:

— О бродяга! Такъ вотъ, что ты дѣлаешь! Вотъ крестъ, что я такъ этого не пропущу и ужъ заставляю тебя поплатиться.

Захвативъ съ собою служанку и набросивъ накидку, она побѣжала къ помѣстью вмѣстѣ съ Нелло. Уже издали, увидавъ ее, Лебруно сказалъ Филиппо:

— Вотъ нашъ другъ.

Послѣ чего Филиппо пошелъ къ мѣсту, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ другими Каландрино, и, обращаясь ко всемъ, сказалъ:

— Господа, мнѣ необходимо отправиться сейчасъ во Флоренцію, работайте усердно!

Какъ-бы уйдя, онъ спрятался въ одномъ мѣстѣ, откуда, не будучи самъ замѣченъ, могъ видѣть всѣ дѣйствія Каландрино.

Какъ только, по мнѣнію Каландрино, Филиппо успѣлъ уйти,—влюбленный выбѣжалъ во дворъ и, заставъ здѣсь Никколозу одну, заговорилъ съ ней.

Заранѣ обо всемъ предупрежденная, она держалась съ нимъ на этотъ разъ болѣе фамильярно, чѣмъ всегда. Каландрино коснулся ее своей рукописью и тотчасъ-же, не говоря ни слова, направился къ ригѣ. Никколоза слѣдовала за нимъ. Послѣ того, какъ они вошли и заперли дверь, Никколоза обвила Каландрино, повалила его на солому, находившуюся тутъ-же, и, усѣвшись на него верхомъ, положила ему руки на плечи, не позволяя ему приблизить къ ней лицо; сама-же смотрѣла на него какъ-будто онъ дѣйствительно былъ предметомъ ея страсти и повторяла:

— О, мой чудный Каландрино, мое сердце, моя душа, мое богатство, мой покой! Сколько времени я жаждала обладать тобой и имѣть тебя какъ-только пожелаю! Своей любовью ты очаровалъ меня, своей гитарой раздражилъ мое сердце—и вотъ теперь ты мой! Возможно ли это?

— Но, душа моя,—проговорилъ Каландрино, будучи едва въ силахъ пошевеливаться,—дай мнѣ тебя поцѣловать!

— О, ты очень сѣбишишь; сначала дай мнѣ вдоволь насмотрѣться на тебя; дай моимъ взорамъ насытиться лицезрѣніемъ твоего милаго лица!

Лебруно и Булфамакко позвали Филиппо и они трое все видѣли и все слышали. Въ тотъ моментъ, какъ Каландрино, во что-бы то ни стало хотѣлъ поцѣловать Никколозу, подошли и Нелло съ Тессой.

— Я увѣренъ, что они вмѣстѣ,—сказалъ подходя къ ригѣ Нелло. Охваченная яростью, монна Тесса обѣими руками толкнула дверь и, вбѣжавъ въ ригу, увидала Никколозу верхомъ на Каландрино. Никколоза, при видѣ дамы, мгновенно вскочила и убѣжала туда, гдѣ былъ Филиппо.

Бросившись къ Каландрино, монна Тесса испаранала ему все лицо

и, пользуясь тѣмъ, что онъ все еще не успѣлъ подняться на ноги, схватила его за волосы и, дергая направо и налево, приговаривала:

— Измѣнчивый пещь, вотъ какъ ты со мной поступаешь! Старый дуракъ! Пусть будетъ проклято благо, которое я тебѣ желала! Тебѣ вѣрно мало работы дома, что ты ходишь еще влюбляться въ другихъ? Вотъ прекрасный влюбленный! Развѣ-же ты себя недостаточно знаешь, глупецъ этакій? Развѣ не знаешь, что сколько-бы изъ тебя не выжимали, а все соку будетъ недостаточно, чтобъ сдѣлать соусъ. Ей Богу, теперь ужъ не Тесса будетъ виновата! Да накажетъ ее Богъ, кто-бы она ни была! Навѣрное это что-нибудь довольно скверное, если польстилась на такой чудный брилліантъ, какъ ты.

Увидавъ свою жену, Каландрино помертвѣлъ отъ страха и не имѣлъ даже смѣлости хоть сколько-нибудь защищаться. Онъ поднялся весь испаранный, растрепанный, побитый; схвативъ свою шапку, онъ стоялъ передъ женой, униженно умоляя ее не кричать и не дѣлать скандала, если она не желаетъ, чтобъ его изрубили въ куски, такъ какъ дама, находившаяся съ нимъ, была женой хозяина дома.

— Ладно,—отвѣчала Тесса,—да пошлетъ ей Богъ дурной годъ!

Лебруно и Булфамакко, въ обществѣ Филиппо и Никколозы, вдоволь нахохотались при видѣ этой сцены: послѣ чего оба друга, сдѣлавъ видъ, что только-что прибѣжали на шумъ, съ трудомъ успокоили расходившуюся Тессу, а самому Каландрино посоветовали уйти во Флоренцію и болѣе не возвращаться въ помѣстье во избѣжаніе столкновенія съ Филиппо, который могъ-бы узнать объ этомъ инцидентѣ и заставить поплатиться виновника.

Такимъ образомъ, Каландрино, побитый, весь испаранный съ вырванными волосами, печально возвратился во Флоренцію, не осмѣливаясь болѣе являться въ помѣстье. Такъ былъ положенъ конецъ его любви, за которую жена пилила его съ тѣхъ поръ день и ночь. Друзья-же, такъ же какъ и Никколоза съ Филиппо, порядкомъ посмѣялись надъ нимъ.

Новелла VI.

К о л ы б е л ь .

Двое молодыхъ людей остаются ночевать у хозяина гостиницы. Одинъ изъ нихъ забирается къ его дочери, другой къ его женѣ. Затѣмъ первый ложится на постель отца и, думая, что это его товарищъ, рассказываетъ ему все, какъ было. Начинается ссора. Жена хозяина ложится въ постель дочери и нѣсколькими ловкими словами улаживаетъ все дѣло.

Общество и на этотъ разъ посмѣялось надъ приключеніями Каландрино. Когда дами посудили и порядили о его поступкахъ въ достаточной степени, королева приказа Памфило продолжать рассказъ.

— Достойныя дамы!—началъ онъ.—Имя Никколозы, въ которую былъ влюбленъ Каландрино, навело меня на мысль о другой Никколозѣ; мнѣ хочется рассказать вамъ эту новеллу, такъ какъ вы увидите изъ нея, какъ быстрая находчивость одной дамы устранила громадный скандалъ.

Не такъ давно, въ долину Муньоне, жилъ одинъ человѣкъ, который за плату давалъ профѣзжимъ закусывать у себя. Несмотря на то, что онъ былъ очень бѣденъ, и что домъ его былъ непомѣстителенъ, у него иногда даже останавливались на ночь; конечно, право это было предоставлено только знакомымъ, а не всякому первому встрѣчному. Человѣкъ этотъ былъ женатъ на очень красивой женщинѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей: дочь, лѣтъ пятнадцати—шестнадцати, еще незамужнюю и маленькаго мальчика, не имѣвшаго еще и года, и котораго кормила сама мать. Дѣвушка обратила на себя вниманіе одного молодого человѣка нашего города, отличавшагося пріятными манерами и симпатичной наружностью. Онъ сталъ часто бывать въ домѣ и въ концѣ

концовъ страшно влюбился въ дѣвушку. Молодая дѣвушка только гордившаяся любовью юности, отличавшагося таким и желавшая своимъ любезнымъ обращеніемъ удержать ее, что и сама въ него влюбилась. Бывали часто случаи, когда опираясь на ихъ обоюдное желаніе, чуть было не приводило къ известному результату, но Пинуччіо (такъ звали юншу) во вѣнчаніи навливался, не желая позора дѣвушки, а также и своего. Между страсть ихъ росла съ каждымъ днемъ и у Пинуччіо явилось желание сойтись съ ней. Онъ сталъ придумывать для этого способъ быть нѣмымъ ей отцомъ на ночь, ибо зная внутреннее расположеніе дѣвушки могъ-бы найти случай побыть вмѣстѣ съ дѣвушкой такъ, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Едва пришла ему въ голову эта мысль, какъ ужъ онъ занялся приведеніемъ ея въ исполненіе.

Однажды, поздно вечеромъ, вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ товарищемъ, по имени Адриано, посвященнымъ въ ихъ любовь, онъ отправился во Флоренцію, нанявъ для этой цѣли двухъ лошадей и взваливъ на нихъ два чемодана. Сдѣлавъ порядочный объѣздъ, они подъѣхали къ Муньонской долины, когда уже наступила ночь. Здѣсь они повернули своихъ лошадей, будто ѣхали изъ Романи и, остановившись у гостиницы, стали стучаться. Хозяинъ, хорошо знавшій ихъ обоихъ, сейчасъ же имъ отворилъ.

— Слушай,—сказалъ ему Пинуччіо,—тебѣ ужъ придется пріютить насъ на эту ночь, такъ какъ мы не сумѣли какъ слѣдуетъ пустить лошадей и вмѣсто того, чтобъ находиться въ данный моментъ во Флоренціи, успѣли доѣхать только до этого мѣста!

— Ты прекрасно знаешь, Пинуччіо,—отвѣчалъ хозяинъ,—что я не особенно хорошо могу принять такихъ людей, какъ вы; но такъ какъ вы пріѣхали сюда въ такой поздній часъ, что некогда ѣхать къ другимъ, то я охотно предложу вамъ пріютъ, только ужъ не будьте взыскательны!

Сойдя съ лошадей, молодые люди первымъ дѣломъ почистили своихъ четвероногихъ спутниковъ, позаботились объ ихъ ѣдѣ и затѣмъ уже пошли ужинать съ хозяиномъ, котораго и угостили привезенной съ собою закуской.

Жилъ хозяинъ въ одной крохотной комнаткѣ, гдѣ поставилъ три кровати, между которыми почти не оставалось свободнаго пространства: двѣ кровати стояли съ одной стороны стѣны, а другая—съ другой стороны, прямо напротивъ, такъ что посрединѣ, между ними, можно было проходить только съ большимъ трудомъ. Хозяинъ приготовилъ для гостей лучшую изъ этихъ трехъ постелей и предложилъ имъ ложиться. Затѣмъ, нѣкоторое время спустя, хозяинъ позвалъ ложиться свою дочь, думая, что гости уже заснули, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только дѣлали видъ, что спятъ. Дочь легла на одну изъ двухъ оставшихся кроватей, а на третью легъ самъ хозяинъ со своей женой, которая ря-

постелью помѣстила колыбель своего маленькаго сына. положеніе дѣлъ, и Пинуччіо все это прекрасно подмѣтилъ. оказалось, что всѣ заснули, онъ тихонько поднялся, прямо къ постели, гдѣ лежала любимая имъ молодая дѣвушка, и къ ней подѣ одѣяло. Несмотря на нѣкоторый страхъ, дѣлостно приняла его и они оба могли, наконецъ, вкусить тоженіе, котораго жаждали больше всего.

Дока Пинуччіо находился съ молодой дѣвушкой, кошка что-то урокъ дѣло, и не закигая свѣчи, встала и направилась по направленію дума. Между тѣмъ Адріано, не имѣя дурныхъ намѣреній, случайно тоже всталъ съ постели для удовольвенія одной естественной надобности. Но по пути, онъ наткнулся на колыбель, поставленную здѣсь женой хозяина; не долго думая, онъ поднялъ ее и переставилъ къ постели, на которой только-что лежалъ самъ. Послѣ этого, сдѣлавъ то, ради чего онъ вставалъ, онъ возвратился и спокойно улегся въ постель, не заботясь о колыбели. Съ своей стороны и хозяйка, увидавъ, что разбудившій ее шумъ не представлялъ собою ничего важнаго, прогнала кошку и возвратилась въ комнату, опять таки не закигая свѣчи. Оцупью пробралась она къ постели мужа, но, не найдя колыбели, подумала про себя:

— Ахъ, я глупая! Что я дѣлаю! Ей Богу, чуть было не попала на постель нашихъ гостей. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и наткнувшись на этотъ разъ на колыбель, она легла на стоящую рядомъ кровать и, думая, что ложится спать около мужа, попала въ постель, къ Адріано.

Адріано еще не спалъ и потому съ большой радостью принялъ молодую женщину; не говоря ни слова, онъ нѣсколько разъ повторилъ свою обязанность, доставивъ этимъ громадное удовольствіе молодой дамѣ. Въ это время Пинуччіо, вполнѣ насладившись желаемымъ счастьемъ съ молодой дѣвушкой, всталъ, чтобъ возвратиться къ себѣ въ постель, но, замѣтивъ передъ ней колыбель, рѣшилъ, что это постель хозяина и потому пройдя нѣсколько дальше, легъ какъ-разъ въ постель съ самимъ хозяиномъ. Думая, что съ нимъ рядомъ Адріано, онъ сказалъ:

— Могу тебя увѣрить, что еще никогда на свѣтѣ не было такой прелестной женщины, какъ Никколоза. Ей Богу! Я позвалъ съ нею такое громадное наслажденіе, какого, вѣроятно, не приходилось испытать ни одному мужчинѣ съ женщиной. Скажу тебѣ откровенно, что еще не разу въ жизни я не испытывалъ такого блаженства.

Слова эти пришлись хозяину очень не по вкусу и сначала онъ только сказалъ про себя:

— Какого чорта, онъ тутъ дѣлаеть?

Но вслѣдъ за тѣмъ, очень ужъ раздраженный, онъ забылъ всякую осторожность и крикнулъ:

— Ты совершилъ большую подлость Пинуччіо: не знаю, чѣмъ я ее заслужилъ, но клянусь, что я тебѣ отплачу за это!

Не отличавшійся хитростью, Пуниччіо, замѣтивъ свое заблужденіе, даже не подумалъ какъ-нибудь извернуться, а, напротивъ, спросилъ:

— Какъ ты мнѣ отплатишь? Что ты мнѣ можешь сдѣлать?

Жена хозяина, все еще думая, что рядомъ съ ней лежитъ ея мужъ, сказала, обращаясь къ Адріано:

— Послушай-ка, наши гости какъ будто ссорятся!

— Пусть себѣ, — отвѣтилъ, смѣясь, Адріано, — они выпили лишняго вчера.

Услыхавъ голосъ Адріано, хозяйка тотчасъ же поняла, гдѣ она и съ кѣмъ. Поэтому, какъ женщина умная, она быстро вскочила, схватила колыбель съ маленькимъ сыномъ и, пользуясь темнотою, отнесла ее къ постели дочери, рядомъ съ которой и легла сама. Затѣмъ, притворившись, будто только-что проснулась отъ криковъ мужа, окликнула его и спросила, что у него произошло съ Пуниччіо.

— Развѣ ты не слышишь, — отвѣчалъ ея мужъ, — что онъ рассказываетъ насчетъ того, какъ поступилъ только-что съ Никколосой.

— Онъ вретъ, что ни слово, — отвѣчала хозяйка, — я легла съ ней и съ тѣхъ поръ ни на минуту не засыпала, и ты дуракъ, если вѣришь ему. Вы такъ напиваетесь по вечерамъ, что потомъ видите во снѣ всякую чепуху; попадаете съ одной стороны на другую и даже не догадываетесь объ этомъ, думая, что сдѣлали все прекрасно. Жаль еще, что не свертываете себѣ шею. Но, однако, скажите, что тамъ дѣлаетъ Пинуччіо и почему онъ не у себя въ постели?

Видя, какъ ловко умная женщина прикрываетъ свой стыдъ и позоръ дочери, Адріано тоже вмѣшался и сказалъ:

— Пуниччіо, сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не вставалъ со своей постели, что твоя привычка вставать ночью во время сна и рассказывать всякія глупости, которые тебѣ снятся, выдавая ихъ за правду, доведетъ тебя когда-нибудь до несчастія; иди назадъ, къ мнѣ; чтобъ тебѣ пусто было!

Послѣ словъ жены и Адріано, хозяинъ сталъ вѣрить, что Пуниччіо наболталъ ему все во время сна; поэтому, взявъ его за плечи, онъ началъ трясти его и говорить:

— Пуниччіо, проснись! Иди на свою постель!

Пуниччіо слышалъ все, что было сказано, и, притворившись, будто онъ дѣйствительно бредитъ, сталъ говорить всякую чушь, такъ что хозяинъ не могъ удержаться отъ смѣха. Но такъ какъ Пуниччіо продолжали трясти, то онъ нашелъ нужнымъ проснуться и обратясь къ Адріано, спросилъ:

— Развѣ уже утро, что ты меня будишь?

— Да, — отвѣчалъ Адріано, — иди сюда!

Все еще представляясь заспаннымъ, Пуниччіо оставилъ постель.

хозяина и перешелъ къ Адриано. Настало утро. Когда все встали, хозяинъ сталъ смѣяться надъ Пинуччіо и его вчерашними снами. Продолжая отшучиваться, молодые люди осѣдлали своихъ коней, привязали чемоданы, и вынивъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, сѣли на лошадей и поѣхали во Флоренцію, очень довольные, какъ самимъ приключеніемъ, такъ и послѣдовавшимъ за нимъ событіемъ. Впослѣдствіи, принявъ другія мѣры, Пинуччіо находилъ возможность бывать съ Никколозой, которая сумѣла увѣрить мать, что гостю все приснилось. Поэтому, вспоминая объ обѣщаніяхъ Адриано, хозяйка думала, что она единственная не спала.

Новелла VII.

В ѣ щ и й с о н ъ.

Талано ди Молезе видитъ во снѣ, что волкъ раздираетъ горло и лицо его жены; онъ совѣтуетъ женѣ беречься; она не слушается и сонъ сбывается.

Когда Памфило кончилъ свою новеллу, все стали хвалить ловкость и умъ Никколозы, сумѣвшей въ одну минуту все сообразить.

Послѣ этого начала говорить Пампиней, такъ какъ королева предложила ей разказать свою новеллу.

— Дорогія дамы! Мы уже говорили о томъ, что сны сбываются, хотя многіе и смѣются надъ этимъ. Но несмотря на все разказанное объ этомъ, я не могу не передать вамъ о случившемся съ моею сосѣдкой, которая не хотѣла вѣрить сну своего мужа.

— Не знаю, знакомъ-ли вамъ Талано ди Молезе, человекъ очень почтенный. Онъ женился на молодой дѣвушкѣ, по имени Маргарита, отличавшейся замѣчательной красотой, но имѣвшей ужасный характеръ: она была въ высшей степени странной, капризной и до того упрямой, что никогда не хотѣла слушаться совѣтовъ и никто не былъ въ состояніи ей угодить.

Несмотря на то, что Талано было тяжело отъ такой жизни, онъ терпѣлъ ея характеръ, такъ какъ не могъ ничего измѣнить. Но вотъ

однажды Талано почевалъ съ Маргаритой за городомъ, въ одной изъ своихъ фермъ.

Приснилось ему, что его жена пошла черезъ прекрасный лѣсъ, находившійся недалеко отъ ихъ фермы; пока она такъ шла, ему показалось, что съ другой стороны лѣса вышелъ громадный волкъ, который бросившись на его жену, схватилъ ее за горло, повалилъ на землю и силится утащить ее; затѣмъ, будто она звала на помощь, а когда вырвалась отъ него, то ему показалось, что все лицо жены обезображено. Проснувшись на другое утро, онъ сказалъ женѣ:

— Жена, несмотря на то, что твой скверный характеръ не давалъ мнѣ возможности хоть одинъ день провести спокойно, я былъ-бы огорченъ, еслибъ съ тобой случилось что-нибудь дурное, и потому послушайся моего совѣта и не выходи сегодня изъ дому.

И онъ подробно разсказалъ ей весь свой сонъ.

Покачавъ головой, Маргарита сказала:

— Кто желаетъ кому-нибудь зла, тотъ о томъ видитъ скверные сны; ты очень заботишься обо мнѣ, но видишь во снѣ то, что желалъ-бы мнѣ; а я, конечно, и не подумаю тебѣ доставить удовольствіе видѣть когда-нибудь мое несчастіе.

— Я зналъ, что ты мнѣ такъ отвѣтишь,—сказалъ Такано,—за свою заботу о тебѣ, получаю только неблагодарность; но думай, что хочешь, я сказалъ это въ твоихъ интересахъ и снова совѣтую оставаться сегодня дома или, по крайней мѣрѣ, не ходить въ лѣсъ.

— Хорошо, отвѣтила жена,—я не пойду.—Но подумала про себя:

— Онъ кажется думаетъ, что перехитрилъ меня и что отъ страха я не пойду сегодня въ лѣсъ. Навѣрное онъ назначилъ въ лѣсу свиданіе какой-нибудь женщины и боится, чтобъ я не накрыла его. Ему-бы хорошо было возвращаться среди слѣпыхъ и я была-бы глупа, еслибъ повѣрила ему и не понимала-бы чего онъ желаетъ. Но ужъ это ему не удастся! Хотя-бы пришлось караулить весь день, а ужъ узнаю, изъ-за чего онъ со мной сегодня торговался!

Послѣ такихъ размышленій, она вышла изъ дому тотчасъ-же послѣ ухода мужа и тайкомъ добѣжала до лѣса; немедля, забралась она здѣсь въ самую чащу и, поглядывая по сторонамъ, стала ждать не удивить-ли кого-нибудь.

Пока она такъ сидѣла, совсѣмъ не помысливъ о волкѣ, изъ-за группы деревьевъ вышелъ громадный, страшный волкъ и не успѣла она крикнуть:—Господи, помоги мнѣ!—какъ звѣрь бросился къ ней, схватилъ ее за горло и ужъ хотѣлъ тащить ее какъ-бы маленькаго ягненка. Она не была въ состояніи кричать, до того сильно было сжато ея горло, не могла даже никакъ обороняться; поэтому, еслибъ не встрѣтились пастухи, отбившіе ее отъ волка, онъ унесъ-бы ее и задушилъ-бы.

Пастухи узнали несчастную и отнесли ее домой. Доктора долго лѣчили ее, но все-же не могли избавить ее отъ слѣдовъ, оставшихся

на горлѣ и лицѣ, такъ что изъ прежней красавицы, она сдѣлалась некрасивой и безобразной.

Она уже нигдѣ не бывала, стыдась показываться людямъ на глаза, и горько оплакивала свой дурной характеръ и свое упрямое нежеланіе вѣрять сну мужа.

Новелла VIII.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Бюнделло обманываетъ Чакко и устраиваетъ такъ, что тотъ вмѣсто хорошаго завтрака получаетъ сиверный; Чакко коварно мститъ ему и устраиваетъ такъ, что въ результатѣ Бюнделло избиваютъ.

Все общество единогласно подтвердило, что сонъ, который видѣлъ Талано, былъ уже не сномъ, а скорѣе видѣніемъ, до того точно исполнился онъ наяву. Когда всѣ замолчали, королева обратилась къ Лауреттѣ съ предложеніемъ продолжать разсказывать.

— Милыя дамы!—начала она.—Сегодня почти всѣ, разсказчики, говорили о предметахъ, имѣющихъ кое что общее съ предыдущими новеллами; такъ и я, вспоминая разсказъ Пампиней о жестокой мести, хочу подѣлиться съ вами новеллой, въ которой тоже будетъ говоритья о мести, хотя не столь жестокой для пострадавшаго. Итакъ, я начинаю:

— Во Флоренціи жилъ одинъ субъектъ, по имени Чакко, отличавшійся страшнымъ обжорствомъ.

— Не имѣя средствъ удовлетворять своему обжорству, онъ ходилъ обѣдать и завтракать къ тѣмъ, которые были богаты и имѣли хорошій столъ. Онъ обладалъ прекрасными манерами, былъ полонъ остроумія и умѣлъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ; и этотъ человекъ, вмѣсто того чтобъ служить при дворѣ, сдѣлался просто на просто паразитомъ, посящавшимъ богатые дома, даже не дожидаясь приглашенія на ихъ обѣды. Въ это самое время, жилъ во Флоренціи нѣкій Бюнделло, который занимался той-же профессіей какъ и Чакко. Какъ и тотъ, онъ имѣлъ

свои привлекательныя стороны, отличаясь безукоризненной вѣшностью, въ смыслъ замѣчательно тщательной одежды и прически, которая заключалась въ поразительно правильно расположенныхъ золотистыхъ волосахъ. Однажды утромъ, во время поста онъ отправился на рыбный рынокъ и покуная для синьора Вieri де Черки двухъ громадныхъ миногъ, встрѣтился съ Чакко.

— Что это обозначаетъ?—спросилъ онъ подойдя къ Бionделло.

— Вчера,—отвѣтилъ Бionделло,—синьору Корсо Донати прислали трехъ миногъ, еще больше и лучше этихъ, и еще осетра. Но такъ какъ Корсо Донати ждетъ къ себѣ гостей, то онъ поручилъ прикупить мнѣ еще миногъ.

— А ты развѣ не придешь?

— Ты прекрасно знаешь, что я приду!—отвѣтилъ Чакко.

Въ самомъ дѣлѣ, когда настала часъ завтрака, Чакко явился къ синьору Корсо и засталъ у него нѣсколькихъ сосѣдей. На вопросъ синьора Корса, что ему угодно, Чакко отвѣтилъ:

— Синьоръ, я пришелъ позавтракать съ вами и вашими гостями.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка,—и такъ какъ завтракъ уже готовъ, то пожалуйста.—Когда все уѣблись вокругъ стола, имъ подали простого гороху съ соленымъ тунцомъ и жареную рыбу изъ Арно: и это было все.

Чакко понялъ, что Бionделло посмѣялся надъ нимъ, и въ раздраженіи рѣшилъ отомстить ему, тѣмъ болѣе, что за эти нѣсколько дней,

какъ они не видались, Бюнделло уснѣлъ уже со многими посмѣяться надъ выкинутой шуткой.

Встрѣтивъ, наконецъ, Чакко, Бюнделло поклонился ему и со смѣхомъ спросилъ, какъ понравились ему миноги синьора Корео.

— Раньше чѣмъ окончится эта недѣля, ты узнаешь объ этомъ лучше меня,—вмѣсто всякаго отвѣта сказалъ Чакко и, покинувъ Бюнделло, принялся немедленно за приведеніе въ исполненіе своего плана. Отыскавъ одного хитраго торгаша, онъ сговорился съ нимъ за извѣстное вознагражденіе, чтобъ тотъ взялъ стеклянную бутылку и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ рынку Кавичіули. Здѣсь онъ указалъ ему на кавалера Филиппо Арженти, человѣка, отличавшагося громаднымъ ростомъ, здоровьемъ, силой и вмѣстѣ съ тѣмъ надменнымъ раздражительнымъ и капризнымъ характеромъ.

— Подойди къ нему, съ этой бутылкой,—сказалъ Чакко,—и скажи ему слѣдующее:

— Синьоръ меня прислалъ къ вамъ Бюнделло съ просьбой налить вашего краснаго хорошаго вина въ его бутылку и придать ей цвѣтъ рубина; онъ намѣренъ угостить своихъ друзей.—Только смотри, чтобъ онъ не схватилъ тебя, такъ какъ хорошо онъ тебя не приметъ и тогда мои планы рухнутъ.

Торговецъ спросилъ:

— Больше ничего не надо говорить?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Чакко,—какъ только исполнишь мое порученіе, возвращайся сюда и я тебѣ заплачу.

Торговецъ пошелъ и въ точности передалъ синьору Филиппо, что ему было поручено. Выслушавъ его съ довольно глупымъ видомъ, синьоръ Филиппо рѣшилъ, что его знакомый Бюнделло смѣется надъ нимъ и онъ покраснѣвъ отъ гнѣва, воскликнулъ:

— Что ты хочешь сказать, какой цвѣтъ рубина, какіе друзья? Чтобъ вамъ обоимъ пусто было!

И онъ вскочилъ и протянулъ руку, чтобъ схватить говорившаго, но тотъ ловко увѣрнулся и убѣжалъ. Возвратясь къ Чакко, видѣвшему все издали, онъ повторилъ ему слова синьора Филиппо. Чакко остался очень доволенъ и, расплатившись съ торгашемъ, не успокоился до тѣхъ поръ, пока не отыскалъ Бюнделло и не сказалъ ему:

— Давно ты не былъ въ рядахъ Кавичіули?

— Давно,—отвѣчалъ Бюнделло,—а что?

— А то,—заявилъ Чакко,—что тебя тамъ ищетъ синьоръ Филиппо, не знаю зачѣмъ.

— Хорошо,—рѣшилъ Бюнделло,—я пойду и поговорю съ нимъ.

Бюнделло пошелъ впередъ, а Чакко послѣдовалъ за нимъ, чтобъ видѣть, какъ будетъ обстоять дѣло. Синьоръ Филиппо, которому не удалось поймать говорившаго съ нимъ, страшно кипятился и сердился. Изъ сказанныхъ ему словъ онъ заключилъ, что Бюнделло по чьему-либо

наушению, хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пока онъ размышлялъ объ обидѣ, подошелъ Бюнделло. Какъ только Филиппо завидѣлъ его, онъ подбѣжалъ къ нему навстрѣчу и ударилъ его своимъ тяжелымъ кулакомъ по лицу.

— О! Синьоръ,—сказалъ Бюнделло,—что это значитъ?

Схвативъ его за волосы, Филиппо сбросилъ на землю его шанку и продолжая колотить его, громко говорилъ:

— Негодяй, ты увидишь, что значитъ придать рубиновый цвѣтъ, и что значитъ эти друзья, о которыхъ ты присылалъ мнѣ сказать! Развѣ я на тебя произвожу впечатлѣннѣе ребенка, надъ которымъ можно смѣяться?

Говоря эти слова, онъ продолжалъ осыпать его лицо ударами кулаковъ, которые у него были точно желѣзные и не оставилъ нетронутымъ ни одинъ волосъ на его головѣ: затѣмъ поваливъ его на землю, онъ разодралъ ему всю одежду: Бюнделло же подъ этимъ градомъ сыпавшихся на него ударовъ не имѣлъ возможности не только просить объясненій, но даже и выговорить хоть одно слово. Онъ разсѣлышалъ, что тотъ говорилъ о «цвѣтѣ рубина», «о друзьяхъ», но что это означало не могъ понять. Въ концѣ концовъ, когда Бюнделло былъ уже совершенно избитъ, прибѣжала толпа людей, съ трудомъ отнявшая у синьора Филиппо его жертву. Ему рассказали, за что синьоръ Филиппо былъ золъ на него, и при этомъ добавляли, что зная характеръ синьора Филиппо, онъ не долженъ былъ позволять себѣ такія шутки съ нимъ. Бюнделло плакалъ, извинялся и говорилъ, что никогда и не думалъ посылать просить вина у Филиппо. Успокоившись немного, онъ возвратился домой грустный и печальный, говоря себѣ, что это могло быть только дѣло рукъ Чакко. Черезъ нѣсколько дней, когда синяки сошли съ его лица и онъ уже сталъ выходить изъ дому, ему повстрѣчался Чакко, который, смѣясь, спросилъ его:

— Бюнделло, какъ тебѣ поправилось вино синьора Филиппо?

— Такъ же, какъ тебѣ миноги синьора Корео!—отвѣтилъ Бюнделло.

— Будь увѣренъ,—замѣтилъ Чакко,—что какъ только ты захочешь опять также хорошо угостить меня, я предложу тебѣ такого же вина, какое ты уже пилъ.

Бюнделло понялъ, что ничего не выиграетъ, если будетъ ссориться съ Чакко, и потому молилъ Бога о примиреніи съ нимъ; и съ этого момента уже никогда не смѣялся надъ Чакко.

Новелла IX.

Совѣты Соломоне.

Двое молодыхъ людей спрашиваютъ у Соломона совѣта; одинъ изъ нихъ просить, чтобы его полюбили, а другой хочетъ узнать, какъ ему исправить свою строптивую жену. Первому Соломонъ совѣтуетъ любить, а второму—пойти на „Гусиный мостъ“.

Оставалось разсказывать королевѣ, такъ какъ она захотѣла сохранить привилегію Діонео. Когда дамы порядкомъ посмѣялись надъ несчастнымъ Бюделло, королева весело начала такъ:

— Любезныя дамы. Если здраво смотрѣть на порядокъ вещей, то легко замѣтить, что большинство женщинъ подчинено мужчинамъ силой самой природы и благодаря существующимъ законамъ и обычаямъ, и потому женщины должны поступать согласно волѣ мужчинъ. Поэтому всѣ тѣ, которыя желаютъ пріобрѣсти миръ, успокоеніе и отдыхъ съ мужчинами, которымъ онѣ принадлежать, должны быть терпѣливыми, послушными и смиренными, не говоря уже о порядочности, что составляетъ особое сокровище всякой умной женщины. Еслибъ даже насъ не учили этому законы, имѣющіе всегда въ виду общественное благо, или обычаи, отличающіеся большой силой и достойные уваженія, то сама природа указываетъ достаточно ясно, что мы нуждаемся въ покровительствѣ другихъ. Природа создала насъ застѣнчивыми и робкими, со слабымъ и нѣжнымъ тѣломъ, она намъ дала слишкомъ мало физической силы, но одарила насъ мягкимъ голосомъ, граціозными движеніями. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы нуждаемся въ помощи и направленіи, а разсудокъ говоритъ, что по отношеніи къ своему руководителю нужно быть покорнымъ, послушнымъ и полнымъ уваженія. А кто руководить и помогаетъ намъ, какъ не мужчины? Слѣдовательно, мы должны подчиняться мужчинамъ и уважать ихъ; и та, которая нарушила бы этотъ

законъ, заслуживаетъ не только большаго порицанія, но и строгаго наказанія. На эти размышленія меня навелъ разсказъ Пампицей о своей правнѣ женѣ Талано, которую Богъ подвергъ наказанію, такъ какъ мужъ не сумѣлъ этого сдѣлать. По моему мнѣнію, уже высказанному мною раньше, тѣ женщины, которыя не хотятъ слѣдовать указаніямъ самой природы, обычаевъ и законовъ и не желаютъ быть покорными, уступчивыми и мягкими, заслуживаютъ строгаго, суроваго наказанія. Мнѣ хочется, на этотъ счетъ, разсказать вамъ объ одномъ совѣтѣ Соломона, который онъ далъ, какъ полезное средство для излеченія страдающихъ подобною же болѣзнию. Однако, женщины, не заслужившія примѣненія этого средства, не должны думать, что это сказано для нихъ, хотя мужчины и любятъ слѣдовать пословицѣ: «хорошему и дурному коню нужны шпоры, хорошей и дурной женщинѣ нужна палка». Если путя истолковать эти слова, то всѣ бы вы согласились, что они справедливы; но если отнестись къ нимъ болѣе серьезно, то, по моему мнѣнію, не всегда можно согласиться съ ними въ виду того, что въ большинствѣ случаевъ женщины уступчивы и слабы. Примѣнять же это средство я нахожу необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина выходитъ изъ постановленныхъ ей границъ, — тогда палка должна покарать ее. Для другихъ же женщинъ палка нужна, какъ угроза, чтобъ онѣ боялись сойти съ пути добродѣтели. Но оставимъ, однако, всѣ эти разсужденія въ сторонѣ и перейдемъ къ самой повелѣ. Итакъ, я начинаю:

По всему свѣту распространилась слава о мудрости Соломона и о даваемыхъ имъ совѣтахъ. Изъ всѣхъ странъ являлись къ нему лица, жаждавшіе получить отъ него помощь и облегченіе въ своихъ трудныхъ и запутанныхъ дѣлахъ. Между прїѣзжими былъ и одинъ молодой человекъ, по имени Мелиссо, родомъ изъ города Лаяццо. Выѣзжая изъ Антиохіи, онъ встрѣтилъ другаго молодого человека, который, очевидно, направлялся по тому же пути въ Иерусалимъ, такъ какъ ѣхалъ уже долгое время вмѣстѣ съ нимъ. Какъ это обыкновенно бываетъ въ дорогѣ, — они разговаривались. Новый путникъ, котораго звали Джозефо, разсказалъ, кто онъ, такой, каковаго онъ происхожденія, и на вопросъ Мелиссо, какова цѣль его поѣздки, отвѣтилъ, что ѣдетъ повидаться съ Соломономъ, надѣясь получить отъ него совѣтъ, какъ ему быть съ его строитицею и злою женой, которую онъ не могъ исправить ни ласками, ни просьбами. Послѣ этого Джозефо, въ свою очередь, пожелалъ узнать подробныя свѣдѣнія о Мелиссо и о причинѣ предпринятаго имъ путешествія.

— Родомъ я изъ Лаяццо, — отвѣчалъ Мелиссо, — и подобно тебѣ имѣю большую заботу. Я молодъ, богатъ; мой домъ всегда открытъ для жителей нашего города и несмотря на это, странно сказать, — я не могу найти человека, который желалъ бы мнѣ добра. Вотъ поэтому я и ѣду туда же, куда и ты, и хочу спросить, что мнѣ дѣлать, чтобъ быть любимымъ.

Такъ продолжали они путь до самаго Иерусалима. Здѣсь, черезъ посредство одного изъ придворныхъ, ихъ провели къ Соломону. Мелиссо кратко передалъ ему о своемъ горѣ и ждалъ отвѣта.

— Люби—отвѣтилъ ему Саломонъ.—И тотчасъ же послѣ этихъ словъ увели Мелиссо, а вмѣсто него къ Соломону подвели Джозефо, который также разсказалъ о своемъ дѣлѣ.

— Пойди на Гусиный мостъ!—сказалъ ему царь и не далъ больше никакихъ объясненій. Послѣ этого и Джозефо увели отсюда. Увидавъ Мелиссо, онъ разсказалъ тому о полученномъ отвѣтѣ. Итакъ, оба, не понимая смысла сказанныхъ Соломономъ словъ и не зная, какъ-бы ихъ можно было примѣнить къ своимъ дѣламъ, пустились въ обратный путь, съ видомъ людей, надъ которыми посмѣялись.

Послѣ нѣсколькихъ дней ѣзды, имъ встрѣтилась по пути рѣка, на которой стоялъ прекрасный мостъ; но такъ какъ въ это время по мосту переходилъ большой караванъ, съ множествомъ нагруженныхъ лошадей и муловъ, то имъ пришлось обождать, пока всѣ не пройдутъ. Когда почти всѣ животныя уже перешли черезъ мостъ, одинъ мулъ, отдохавшій въ тѣни, заупрямился и ни за что не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста. Тогда одинъ изъ погонщиковъ взялъ дубину и сталъ бить мула сначала довольно легко, но затѣмъ, когда животное стало подвигаться то направо, то налево, то назадъ, не желая идти по дорогѣ впередъ, погонщикъ страшно разсердился и сталъ уже бить мула сильными ударами по головѣ, по бокамъ, по крупу; но ничего не помогало. Видѣвшіе это Мелиссо и Джозефо стали упрекать погонщика.

— Что ты дѣлаешь, злой человѣкъ? Ты его хочешь убить? Почему ты не попытаешься обращаться съ нимъ мягко? Онъ охотнѣе поспѣдовалъ бы тогда за тобой, чѣмъ при такихъ ударахъ палкой, какими ты его надѣлаешь.

— Погонщикъ отвѣтилъ имъ на это:—Вы знаете вашихъ коней, а я знаю своего мула; ужъ предоставьте мнѣ распоряжаться.

Сказавъ это, онъ снова началъ бить животное, осыная его ударами повсюду, и въ концѣ концовъ погонщикъ добился желаемого результата и мулъ пошелъ.

Молодые люди двинулись черезъ мостъ. Увидавъ одного человѣка, сидѣвшаго у моста, Джозефо полюбопытствовалъ узнать, какъ называется этотъ мостъ.

— Синьоры,—отвѣтилъ человѣкъ,—мѣсто это называется Гусинымъ мостомъ.

Услыхавъ это, Джозефо невольно вспомнилъ слова Соломона и, обратясь къ Мелиссо, сказалъ:

— Товарищъ, теперь я могу сказать, что совѣтъ, данный мнѣ Соломономъ, можетъ оказаться хорошимъ и вѣрнымъ. Сознаюсь, что до сихъ поръ я не умѣлъ бить моей жены, но этотъ погонщикъ показалъ мнѣ, какъ это дѣлается.

Черезъ нѣсколько дней они прїѣхали въ Антиохію. Джозефо пригласилъ къ себѣ Мелиссо, чтобъ тотъ могъ отдохнуть нѣкоторое время, и приказалъ своей женѣ, холодно отнесшейся къ его товарищу, приготовить ужинъ по вкусу и заказу гостя. Мелиссо, видя, что доставляетъ этимъ удовольствіе Джозефо, сказалъ въ нѣсколькихъ словахъ, чего желалъ бы на ужинъ. Хозяйка, по своему упрямству, не сдѣлала, конечно, то, чего просилъ Мелиссо, а приготовила ужинъ нарочно другой.

— Развѣ тебѣ не было сказано, какъ надо было приготовить ужинъ? — съ сокрушеннымъ видомъ спросилъ жену Джозефо.

— Что это значить? — гордо взглянувъ на мужа, сказала она. — Не ужинай, если тебѣ не нравится? Хоть мнѣ и сказали приготовить такъ, а мнѣ захотѣлось сдѣлать иначе, если тебѣ нравится — прекрасно, если же нѣтъ, то не ѣшь!

Мелиссо удивился такому отвѣту и очень порицалъ хозяйку. Услыхавъ ея слова, Джозефо сказалъ:

— Жена, ты все такая же, какъ и прежде; но повѣрь мнѣ, я заставлю тебя перемениться, и обернувшись къ Мелиссо, онъ продолжалъ:

— Другъ, мы сейчасъ увидимъ, каковъ былъ совѣтъ Соломона, но я попрошу тебя не волноваться при видѣ приведенія его въ исполненіе, и не считать шуткой то, что я сдѣлаю. А чтобъ не помѣшать мнѣ, вспомни, что намъ говорилъ погонщикъ, когда мы стали жалѣть его мула.

— Я у тебя въ домѣ, — отвѣтилъ Мелиссо, — и не считаю себя въ правѣ противиться твоимъ желаніямъ.

Джозефо отыскалъ подходящую вѣтвь молодого дуба, сдѣлавъ изъ нея круглую палку и отправился въ комнату жены, которая ушла туда сейчасъ же послѣ ужина, громко ворча съ досады. Схвативъ ее за волосы и поваливъ на полъ, Джозефо сталъ осипать ударами палки свою жену. Сначала она кричала, затѣмъ стала грозить ему; но видя, что, несмотря на все, Джозефо продолжаетъ ее бить, она уже вся помертвѣвшая, стала умолять его ради самого Бога не убивать ее, общая никогда болѣе не противиться его волѣ. Джозефа, однако, не переставалъ бить ее; даже, напротивъ, ударялъ ее съ большей силой, сылая удары по ея бокамъ, по спинѣ, по плечамъ, сбавляя ей, такимъ образомъ, силъ. Онъ остановился только тогда, когда уже совершенно усталъ и когда на спинѣ жены, уже не оставалось ни одного живого мѣста. Сдѣлавъ это, онъ возвратился къ Мелиссо и сказалъ:

— Завтра мы увидимъ результатъ, полученный послѣ совѣта Соломона, пойти къ Гусиному мосту. Отдохнувъ немного и вымывъ руки, онъ поужиналъ съ Мелиссо и затѣмъ оба отправились спать.

Несчастная женщина съ трудомъ поднялась съ полу и бросилась на постель, гдѣ отдохнула за ночь настолько, насколько это было возможно. На другое утро, вставъ очень рано, она прислала къ Джозефо

узнать, что приготовить ему на завтракъ. Посмѣявшись съ Мелиссо надъ этимъ, онъ заказалъ завтракъ. Возвратясь домой къ часу завтрака, они увидали, что всѣ приказанія Джозефо были исполнены въ точности; такъ что совѣтъ, котораго они сначала не поняли, оказался прекраснымъ. Черезъ нѣсколько дней, распрощавшись съ Джозефо, Мелиссо возвратился домой. Между прочимъ, онъ разсказалъ одному мудрецу отвѣтъ Соломона.

— Онъ не могъ дать тебѣ болѣе вѣрнаго и болѣе хорошаго отвѣта—замѣтилъ мудрецъ.— Ты прекрасно самъ знаешь, что никого не любишь, и что всѣ услуги и удовольствія, которыми привлекаешь другихъ, ты дѣлаешь не изъ дружбы къ нимъ, а изъ чувства тщеславія. Люби и другихъ, какъ тебѣ совѣтовала Соломонъ, и ты самъ будешь любимъ.

Вотъ такъ была наказана строптивая женщина, и такъ молодой человѣкъ добился любви, научившись самъ любить.

Новелла X.

Кобыла кума Пьетро.

По настоянію своего кума Пьетро, патерь Джіанни соглашается колдовствомъ превратить его жену въ лошадь. Когда онъ доходитъ до придѣлыванія хвоста, Пьетро останавливаетъ его, говоря, что не желаетъ хвоста, и этимъ портитъ все дѣло.

Разсказанная королевой новелла дала дамамъ поводъ пороптать немного: мужчинамъ же—посмѣяться. Когда разговоры прекратились, сталъ говорить Діонео.

— Очаровательныя дамы!— началъ онъ.— Подобно тому, какъ среди бѣлыхъ голубокъ, черный воронъ покажется красивѣе бѣлооснѣжнаго лебедя, такъ, иногда, и въ обществѣ мудрыхъ людей, одинъ, менѣе разумный, можетъ своею противоположностью не только выиграть въ интересъ и значеніи среди ихъ зрѣлыхъ умовъ, но, иногда, и доставить удовольствіе и отдыхъ. А такъ какъ вы всѣ очень благоразумны и скромны, то я долженъ быть вамъ особенно дорогъ, въ виду того, что не обладая самъ умомъ, еще болѣе подчеркну ваши достоинства сво-

имъ несовершенствомъ; вы выиграете отъ этого больше, чѣмъ, еслибъ я имѣя большее значеніе затемнялъ бы ваши достоинства. Слѣдовательно, я долженъ обладать неограниченной свободой и показать себя такимъ, каковъ я въ дѣйствительности: и какъ не обладающій блестящимъ умомъ, заранѣе прошу вашего снисхожденія къ моему разсказу. Моя новелла не будетъ особенно длинна, и изъ нея вы увидите какъ точно слѣдуетъ соблюдать все условія, поставленныя заклинателемъ и какъ малѣйшія нарушенія этихъ правилъ портятъ все дѣло.

Въ прошломъ году, въ Барлеттѣ, жилъ патеръ по имени Джіанни ди Бароло. Чтобъ имѣть лишній заработокъ, такъ какъ приходъ былъ бѣденъ и давалъ ему мало, онъ сталъ развѣзжать на своей кобылѣ по ярмаркамъ Апуліи, покупая и продавая товары.

Развѣзжая такимъ образомъ, онъ познакомился и подружился съ нѣкимъ Пьетро изъ Тресанти, который тоже торговалъ, но на ослѣ. Въ знакъ тѣсной дружбы, по обычаю Апуліи, патеръ называлъ Пьетро не иначе, какъ кумомъ и каждый разъ, какъ тотъ прѣзжалъ въ Барлетту, онъ принималъ его такъ радушно, какъ только могъ. Съ своей стороны, и кумъ Пьетро, несмотря на свою бѣдность и на то, что у него была только маленькая хижинка, едва достаточная для него, для его красивой и молодой жены и для ихъ осла, тоже оказывалъ гостепріимство патеру, когда тотъ прѣзжалъ въ Тресанти. Что же касается почевки, то кумъ Пьетро, обладая только одной постелью, въ которой спалъ вмѣстѣ съ женой, не могъ устроить патера Джіанни такъ, какъ ему бы хотѣлось, и принужденъ былъ укладывать его спать въ маленькой конюшнѣ, на соломѣ, рядомъ съ кобылой патера и своимъ осломъ. Его жена, зная, какъ радушно принималъ патеръ ея мужа въ Барлеттѣ, не разъ предлагала почетному гостю отдохнуть въ постели съ ея мужемъ, думая сама итти ночевать къ одной изъ своихъ сосѣдокъ, къ Цитѣ Карапрезѣ де Гвидиче Лео. Но патеръ каждый разъ отказывался отъ этой любезности.

Однажды же онъ сказалъ ей:

— Кумушка Джеммата, не безпокойся обо мнѣ; я очень хорошо провожу время, если мнѣ хочется, такъ какъ я превращаю свою кобылу въ красивую молодую дѣвушку, съ которой и провожу ночь. Вотъ по-этому-то я никогда бы не разстался съ нею.

Молодая женщина повѣрила его словамъ и разсказала объ этомъ мужу.

— Если онъ дѣйствительно такъ друженъ съ тобой, — прибавила она, — то отчего ты не попросишь его научить тебя этому колдовству? Ты бы могъ превратить меня въ кобылу и обдѣлывать свои дѣла, пользуясь и осломъ и лошадыю. Такимъ образомъ мы зарабатывали бы вдвойнѣ. По возвращеніи же домой ты могъ бы опять превращать меня въ женщину.

Пьетро, будучи довольно простоватымъ, повѣрилъ въ возможность подобныхъ превращеній и, проникшись совѣтами жены, сталъ упранивать патера Джіанни научить его этой штукѣ.

Патерь хотѣлъ было отклонить его отъ этой глупой мысли, но въ виду его настойчивости, принужденъ былъ обѣщать удовлетворить его просьбу.

— Если ужъ вамъ непременно этого хочется, — сказалъ онъ, — то встемемъ завтра, какъ всегда, до разсвѣта и я покажу, какъ надо поступать. Говоря откровенно, самое трудное во всей этой исторіи, это придѣлать хвостъ, но, впрочемъ, ты самъ увидишь.

Кумъ Пьетро и кума Джеммата почти совсѣмъ не спали въ эту ночь; едва дождавшись разсвѣта, они встали и позвали патера Джіанни. Тотъ вошелъ въ комнату въ одной рубашкѣ и сказалъ, обращаясь къ Пьетро:

— Ни для кого на свѣтѣ не сталъ бы этого дѣлать, кромѣ васъ. Но разъ ужъ вамъ такъ хочется, то не могу отказать въ вашей просьбѣ; но одно условіе — вы должны безпрекословно исполнять все, что я вамъ скажу, въ противномъ случаѣ превращеніе не удастся.

Оба обѣщали повиноваться.

Патерь Джіанни взялъ свѣчу и, давъ ее въ руки Пьетро, сказалъ:

— Хорошенько слѣди за моими дѣйствіями и запоминай въ точности мои слова. Но, чтобъ не испортить всего дѣла, смотри, не говори ни слова, все равно, что бы ты не увидѣлъ и не услышалъ и моли Бога, чтобъ хорошо пришелся хвостъ.

Кумъ Пьетро взялъ свѣчу и обѣщавъ въ точности выполнить требованіе патера.

Предупредивъ кумушку Джеммату, что и она должна молчать, несмотря ни на что, патерь Джіанни приказалъ стать ей совсѣмъ голой на четверенки, какъ стоятъ лошади. Затѣмъ, коснувшись руками ея головы, онъ сказалъ:

— Пусть это превратится въ прекрасную лошадиную голову.

Коснувшись волосъ, онъ сказалъ:

— Пусть это будетъ прекрасной конской гривой.

Дотронувшись до рукъ, онъ проговорилъ:

— А чтобъ это превратилось въ прекрасныя лошадиныя ноги.

Переходя затѣмъ далѣе и коснувшись полной и упругой груди Джемматы, патерь почувствовалъ, что въ немъ что-то пробуждается и произнесъ:

— Чтобъ это сдѣлалось чудной грудью кобылы!

Затѣмъ онъ продѣлалъ тоже самое со спиной, животомъ, крупомъ, бедрами и ногами. Наконецъ, не осталось ничего, кромѣ придѣлыванія хвоста къ чему патерь, подойдя къ Джемматѣ, уже приступилъ, какъ вдругъ кумъ Пьетро, внимательно наблюдавшій за всѣми

дѣйствіями патера, испугался послѣдняго превращенія, и недовольно воскликнулъ:

— О, патерь Джіанни, я не хочу хвоста, не хочу хвоста!

Тогда патерь Джіанни отошелъ отъ Джемматы и сказалъ:

— Эхъ, кумъ Пьетро, что ты сдѣлалъ? Развѣ я не предупреждалъ тебя, чтобъ ты ничего не говорилъ, несмотря ни на что? Уже кобыла была совсѣмъ готова, но заговоривъ, ты все испортилъ, и теперь никогда уже этого нельзя будетъ исправить.—Кумъ Пьетро отвѣтилъ:

— Да я не хотѣлъ этого хвоста. Почему вы не обратились за этимъ ко мнѣ: и къ тому-же вы его придѣлывали ужъ очень низко.

— Ты бы не сумѣлъ поставить такъ хорошо хвостъ, какъ я,— отвѣчалъ патерь.

Услыхавъ эти споры, молодая женщина встала на ноги и, обращаясь къ мужу, сказала:

— Какой-же ты дуракъ! Зачѣмъ ты испортилъ и мой и твои дѣла? Какую лошадь видалъ ты когда-нибудь безъ хвоста? Видно Богъ справедливъ! Ты бѣднѣ, но заслуживаешь быть еще бѣднѣе.

Видя что уже не было больше надежды превратиться изъ женщины въ лошадь, она недовольная и разсерженная стала одѣваться. Что касается до кума Пьетро, то онъ попрежнему обходился съ однимъ осломъ, и, отправляясь съ патеромъ Джіанни на ярмарку въ Битонто, уже не просилъ его о подобныхъ услугахъ.

Сколько смѣха вызвала эта новелла, пойметъ тотъ, кто самъ по-смѣется надъ ней.

Но разсказъ уже былъ оконченъ и солнце уже начинало садиться. Королева, зная что насталъ конецъ ея власти, встала, сняла съ себя вѣнецъ и переложила его на голову Памфило, единственнаго, которому еще предстояло сдѣлаться королемъ.

— Синьоръ, — сказала она, улыбаясь, — тебѣ надлежитъ выполнить трудное дѣло, ибо тебѣ предстоитъ быть послѣднимъ королемъ. Да окажется Богъ такъ же милостивъ по отношенію къ тебѣ, какъ и ко мнѣ!

Памфило радостно отнесся къ этой чести и отвѣтилъ:

— Ваши достоинства и заслуги другихъ моихъ предшественниковъ заставляютъ и меня послѣдовать вашему примѣру и съ честью выйти изъ этого испытанія.

Послѣ этого, слѣдуя обыкновенію предшествовавшихъ ему королей, онъ переговорилъ съ дворецкимъ обо всемъ необходимомъ и обратился къ ожидавшимъ его дамамъ со слѣдующей рѣчью:

— Очаровательныя дамы! Благоразумная Эмилія, бывшая сегодня нашей королевой, желая дать вамъ нѣкоторый отдыхъ, позволила разсказывать какія угодно новеллы. Думая, что вы теперь достаточно отдохнули, предлагаю вамъ опять возвратиться къ прежнимъ правиламъ; я желаю, чтобъ вы завтра говорили о людяхъ щедрыхъ и великодушныхъ, выказавшихъ себя таковыми въ дѣлахъ любви или при какихъ-нибудь другихъ обстоятельствахъ. Несомнѣнно, что и души вашѣ при подобныхъ разсказахъ, невольно проникнутся желаніемъ поступать также доблестно; тѣмъ болѣе, что при нашей краткой земной жизни единственный способъ достиженія вѣчности заключается въ доброй памяти о насъ. Поэтому каждый, кто не живетъ исключительно жизнью желудка, долженъ не только желать приобрести себѣ доброе имя, но и дѣйствительно, постоянно стремиться къ этому, всеми своими силами.

Рѣчь эта очень понравилась всему обществу. Съ позволенія новаго короля, всѣ встали и занялись, по обыкновенію играми, кто какими хотѣлъ. Такъ продолжалось до самаго ужина. Затѣмъ, всѣ весело отправились къ столу, гдѣ имъ быстро и ловко стали подавать одно блюдо за другимъ. По окончаніи ужина, всѣ опять возвратились къ своимъ играмъ. Много пѣлось различныхъ пѣсенокъ, слова которыхъ были, пожалуй, гораздо интереснѣе самой мелодіи. Король обратился къ Пенфиле съ предложеніемъ спѣть еще одну пѣсню въ его честь.

Не заставляя себя долго просить, она запѣла, чистымъ, звонкимъ голосомъ:

Я молода и охотно пою и веселюсь
 При каждомъ наступленіи весны,
 Навѣвающей на меня нѣжныя мысли о любви.

И прохожу по зеленым полям и смотрю
 На белые, желтые и алые цветочки,
 На кусты, усыянные розами, на белые лилии;
 И сколько-бы их ни было, я сравниваю их всехъ
 Съ лицомъ того, кто, полюбивъ меня,
 Овладевъ моимъ сердцемъ и будетъ теперь вѣчно со мной,
 Ибо я только и живу мыслью—удовлетворять его желанья.

* * *

И если среди цвѣтовъ, я нахожу хотя-бъ одинъ,
 Особенно похожій на него,—я тотчасъ-же его срываю
 И осыпая поцѣлуями, говорю съ нимъ, какъ съ живымъ;
 Я открываю ему свое сердце и всю свою душу.
 Затѣмъ, съ остальными цвѣтами я связываю его въ гирлянду,
 Вплетая ее въ свои легкіе и свѣтлые волосы.

* * *

И я испытываю при видѣ этого цвѣтка полей
 Тоже самое, что и при видѣ моего дорогого,
 Своей нѣжной любовью, воспламенившаго мое сердце.
 Что я испытывала, вдыхая ароматъ того цвѣтка,
 Не выразить мнѣ было этого словами
 И потому блаженство мое говорило вздохами.

* * *

Но никогда изъ груди моей не вырывался вздохъ,
 Полный грусти и печали, какъ это у другихъ бываетъ иногда;
 Я вдыхаю сладко и нѣжно, и вздохъ мой
 Летитъ навстрѣчу тому, о комъ я мыслю.
 И самъ онъ тогда спѣшитъ ко мнѣ
 И приходитъ какъ разъ въ такую минуту,
 Когда ужъ я съ отчаяніемъ готова крикнуть:
 „О! Милый другъ! Приди, утѣшь меня“!

Король и все дамы выразили большое одобреніе пѣснѣ Неифиле.
 Наступала уже ночь, и король приказалъ пойти всемъ отдохнуть до
 завтрашняго дня.

